

ГЕНРИ ЛАЙОН
ОЛДИ

Всё решают молнии!

ЗОЛОТОЙ ЛУК

Книга I. ЕСЛИ ГЕРОЙ ПРИХОДИТ

Золотой лук

Генри Олди

**Золотой лук. Книга первая.
Если герой приходит**

«Автор»

2021

Олди Г. Л.

Золотой лук. Книга первая. Если герой приходит / Г. Л. Олди —
«Автор», 2021 — (Золотой лук)

Не всякому дано побывать в Эфире. Так говорят, изнывая от зависти, жители Афин и Спарты, Фив и Аргоса. Здесь, в богатой Эфире, владычице торговых путей, правит Главк, знаменитый лошадиник. Домой возвращается из царства мертвых отец Главка, великий хитрец Сизиф. Сюда прилетает жечь храмы ужасная трехтелая Химера. В эти края прилетает и крылатый конь Пегас, чтобы напиться из источника на площади. Тут сойдутся интересы богов: лукавого Гермия, мудрой Афины, вспыльчивого Посейдона. В Эфире живет мальчик Гиппоной, сын Главка и внук Сизифа. Тот, кого позже узнают под именем Беллерофонта – Метателя-Убийцы. Здесь начнется его яркая, буйная, трагическая судьба, а что случится дальше – это еще лежит у богов на коленях.

© Олди Г. Л., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Парод[1]	5
Книга первая	11
Часть первая	11
Эписодий первый	11
1	11
2	14
3	16
4	18
5	19
Эписодий второй	27
1	27
2	29
3	31
4	35
Стасим	36
Эписодий третий	41
1	41
2	43
3	45
4	46
5	48
Стасим	50
Часть вторая	55
Эписодий четвертый	55
1	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Генри Лайон Олди

Золотой лук

И повторил ребенок-полубог:
– *Что было – есть. Для сказки нет конца. Куда ж еще мог полететь Пегас? Быть может, он прилетит ко мне? Я жду его.*
Ответила ребенку-полубогу Эвримеда:
– *Он вылетел и скоро долетит.*
Задумался Беллерофонт. Сказал:
– *Я укрощу крылатого Пегаса и полечу на нем. Главк, мой отец, умеет укрощать земных коней. Я укрощу небесного коня. Скажи, а то, что будет, тоже есть?*
С улыбкою ответила Эвримеда:
– *Есть – для героя.*
– *А что же тогда бывает и не будет?*
И услышал Беллерофонт ответ:
– *Если герой приходит, все бывает.*
Я. Голосовкер, «Сказания о титанах»

Парод¹

Все было так хорошо, что даже слишком.

Ветер шелестел в кронах дубов и лип. Журчал ручей, нежась в илистом русле. Хор птиц славил великого Гелиоса, чья колесница завершала свой дневной путь. Венец солнечного титана заволокла слабая дымка: Гелиос размышлял. А может, просто дремал, отпустив поводья – кони и без возничего знали дорогу.

Белый конь пасся на склоне горы, возле ручья. Время от времени он поднимал голову к небу и тихонько ржал. Он ждал ответа от упряжки, везущей солнце, но ответа не было. Тогда конь фыркал, бил копытом в землю и вновь принимался щипать траву.

Из ручья за ним наблюдала нимфа. Волосы густой волной стекали на маленькую, слабо очерченную грудь: черное на белом. В глазах, светлых и прозрачных, словно две капли росы, застыло восхищение. Когда конь ржал, нимфа пряталась в ручей. Нагое тело растворялось в бликах, играющих на воде, чтобы вскоре снова вернуться к прежним очертаниям женщины.

Боялась? Чего?

Нимфы пугливы, такова их природа.

Конь был прекрасен. Им залюбовался бы самый взыскательный ценитель. Миниатюрный, изящный, весь грация и радость жизни, он словно вышел из-под резца гениального скульптора. Стройные ноги мягко переступали с места на место. Казалось, конь танцует в воздухе, не сминая копытами травинки и метелки дикого овса. Под шелковистой кожей играли сильные мышцы. Когда конь переставал пастись и обращал взор к небу, становилось видно, как высоко он держит голову и шею. В иных случаях говорили, что это привычка колесничных лошадей, которым хомут давит на дыхательное горло. Но представить хомут на белоснежном красавце?

Нет, этого не смог бы и бог.

Текли минуты. Нимфа пряталась, возникала, снова пряталась. Взгляд ее туманился донной мутью, светлел, чтобы опять подернуться рябью. Поглощен трапезой, конь не обращал

---

¹ Парод – пролог, вступительная песня хора в античной трагедии.

внимания на хозяйку ручья. Вот он поднял голову в очередной раз, начал рыть землю копытом. Фыркнул, но иначе: громко, с беспокойством, почуяв что-то, скрытое от ветра, лип, птиц.

Нимфа вздрогнула.

Воздух, вырвавшись из тонко очерченных ноздрей животного, тоже задрожал. Так дрожит пространство над костром, разведенным в лютый зной. Дрожь ширилась, уходила назад, словно вторая грива. Вот уже и над конской спиной трепещет слабое мерцание, подобное зарницам на горизонте. Сгустившись, оно превратилось в пару огромных крыльев. Конь вырос на ладонь, на две, раздался в груди. Запрокинув голову, он заржал: страстно, дико. Ветер сбегал из листвы, умчавшись на восток. Нимфа нырнула в ручей; птицы шумной стаей ринулись прочь. Далеко на закате солнечная колесница придержала свой бег. Гелиос натянул поводья и обернулся через плечо: титан в огненном венце удивился тому, что слышит.

Хлопок крыльев был подобен грому.

Когда конь взлетел, нимфа, растворенная в воде, ждала, что он уменьшится. Превращение из белого жеребца в черную точку – это было бы естественно для того, в ком сейчас было больше от орла, чем от коня; вернее, естественно для зрителя, следящего за его полетом. Но поначалу конь, напротив, сделался больше прежнего. Похоже, он рос так быстро, что расстояние от земли до неба, стремительно увеличиваясь, не могло справиться с этим бешеным, этим чудовищным ростом.

В итоге расстояние победило. Время и расстояние – эти два неутомимых бойца побеждают всех, как ни крути. Быстрее ветра темное пятнышко мелькнуло над Алейской долиной и скрылось из глаз.

Языки тумана лизали прибрежный песок.

Их движение было подобно ленивому прибою, пряча под собой настоящие волны. Волны? Какие там волны?! Судя по мерному, еле слышному шелесту, на море царил полный штиль. Налети буйный вихрь, вздыбь морскую гладь громадами пенных валов, с грохотом обрушь их на берег – и от тумана, разорванного в клочья, не осталось бы и следа. Но ласковый Зефир и гневный Борей носились в иных краях, брезгуя островами Заката.

Туман воспользовался этой поблажкой. Почувствовав себя хозяином положения, он принялся творить собственное туманное мироздание. Укрыл море одеялом из овечьей шерсти: вот и нет моря! На краю острова он загустел, копя силы, заполнил бухту до краев, захватил плацдарм – и повел наступление на сушу.

У береговых скал, обрамлявших бухту, медленно, как во сне, вздыбились и начали расти бесплотные буруны. Туман ловко прикидывался водой, его армия наступала. Призрачные волны-воины в белесых доспехах не торопились атаковать, но и не откатывались назад с бессильным клочкотанием. Они двигались вперед и только вперед, сжимали кольцо вокруг острова, отъедали и поглощали сушу шаг за шагом. Вот ложные воды подступили к подножию утеса, что возвышался над всей восточной частью тверди. Лизнули основание, потянулись выше...

В очертаниях утеса, в тусклых отблесках, игравших на сглаженных уступах, крылось что-то противоестественное. Ни деревца, ни кустика, ни клочка пожухлой травы. Птичьи гнезда? Осыпи? Сколы? Трещины? Утес казался цельным монолитом – и в то же время состоял из частей, пригнанных одна к другой без малейшего зазора.

Туман замешкался, пытаясь разрешить загадку. Впрочем, не важно. Какова бы ни была природа утеса, туман поглотит его, скроет от глаз – и воцарится над крошечным миром.

Остров пронзила дрожь: едва ощутимая, но явственная. Должно быть, Матери-Гее сделалось холодно – и озноб земли передался всему существу. Эхо далекого звука долетело из-за горизонта, скрытого туманом. Стон? Скрежет? Зов?

Не разобрать.

Да и был ли звук?

Дрожь унялась. Вопреки этому прибой – настоящий прибой – усилился. Море под мгlistым одеялом задышало громче, отчетливей.

Море?!

Дышал утес. Поверхность его, еще миг назад бездвижная, как у любой другой скалы, теперь пульсировала – все чаще с каждым ударом. Быстрее, еще быстрее...

Утес шевельнулся.

Тяжкий вздох сотряс остров. Туман, бледный от ужаса, шарахнулся прочь, но опоздал. Авангард его войск был втянут в двойную пещеру исполинских ноздрей и сгинул без следа. Утес двигался, распрямлялся, возносился к небесам, превращаясь в гиганта. Остатки тумана вихрились у его ног, в панике отступали. Обнажился каменистый берег, песчаный пляж, серые скалы, поросшие ракушками, тусклая морская гладь, тревожная рябь на ней...

Гигант в сверкающих латах встал во весь рост. Жесткая щетка конских волос на его шлеме, выкованном из черной бронзы, царапала небеса. Будь исполин поменьше ростом, посторонний зритель отметил бы сложение атлета, доспех искусной работы, сидевший на владельце как влитой: нагрудник, наручи, поножи. Но вряд ли чей-то взгляд – человека, титана или бога – сумел бы охватить его фигуру целиком. Лишь золотой блеск на боку великана сразу приковывал к себе внимание. Что бы там ни блестело, это создала Лисса, богиня безумия, потому что прийти к однозначному выводу было решительно нельзя. Вначале представлялось, что блестит меч, широкий и длинный *аор*² – под стать своему могучему хозяину. Но в следующий миг меч превращался в колчан сияющих стрел, тянулся дальше, оборачиваясь золотым луком в руке воина. Лук расплывался, втягивался в колчан, уступал место мечу, меч – луку, и так без конца.

Великан обратил лицо к востоку. Мгlistые небеса в той стороне просветлели, словно только и ждали этого взгляда. Разрывая тучи, от горизонта к острову протянулась огнистая семицветная радуга, увенчанная гривой из косматого пламени – мост, ведущий...

Куда?

Великан прислушался. Казалось, он способен услышать шелест стрекозиных крыльев за краем мира, на дальнем конце переливчатого моста. В нерешительности, которая не вязалась с грозным обликом, гигант переступил с ноги на ногу. Земля ощутимо содрогнулась. Туман в ужасе пошел клочьями, стремительно редая. Радуга всколыхнулась, роняя перья из огня, поблекла и втянулась в сумрачный небокрай.

Погасла.

Какое-то время великан молчал, по-прежнему вглядываясь вдаль. Затем он исторг тяжелый вздох, в котором разочарование мешалось с облегчением, и сел на берегу, вновь уподобив себя утесу.

Замер. Окаменел.

Небо над ним просветлело. Солнце не показалось, но свинцовая пелена туч истончилась, засеребрилась под незримыми лучами. Взору открылись холмы, поросшие лавром и можжевельником, могучие дубы, оливковые рощи, зеленые луга и приземистый дом, сложенный из грубо отесанных каменных глыб.

Туман клубился над морем в безопасном отдалении. Вернуться? Урвать и себе клочок суши? Нет, туман еще долго не решится на этот подвиг.

---

² Аор – меч с прямым, широким и мощным клинком. Слово «аор» также обозначает оружие стрелка – лук и колчан.

– Далеко собрался, старик? Не видишь, кто перед тобой?!

Старик был хром. Старик был слеп.

А окрик был насмешкой. Человек, задавший путнику два вопроса, один за другим, отлично понимал, что калека вряд ли в состоянии собраться так уж далеко. И не слепцу видеть, кто преградил ему дорогу этим вечером.

– Не вижу, – спокойно ответил старик, кутаясь в дырявый плащ. – Прости меня, но мои глаза давным-давно утратили зоркость. Кто же ты, остановивший меня? По голосу я слышу, что ты мужчина средних лет и крепкого телосложения. Наверное, ты способен сломать мне хребет легче, чем юноша ломает прибрежный тростник для свирели. Но также я слышу, что у тебя доброе сердце. Ты не причинишь вреда беспомощному старцу.

– Да ты зорче сокола! Я и впрямь добряк!

– Он сама доброта! – поддержали вожака двое товарищей. – Чье второе имя Милосердие? Не твое ли, Эвбулей³?

И вся троица зашлась хохотом.

Слепой не видел их. Значит, незачем и тратить время на их описание. Можно лишь заметить, что да, все трое были средних лет, а двое – крепкого телосложения. Третий, мелкий и тщедушный, должно быть, не родился как обычные люди, а вихрем выскочил из чрева своей мамы. Он не мог устоять на месте: крутился, вертелся, приплясывал. В пальцах его правой руки мелькала хищная рыбка с блестящей чешуей.

Нож. Острая бронза.

Что делал нож? То же, что и хозяин. Плясал, вертелся, крутился.

– Мне понравился твой рассказ, – отсмеявшись, заметил Эвбулей. – Там, в харчевне. Я часто слышал сказки про Сизифа, великого хитреца. Признаюсь, Сизиф – мой кумир. В нем мне нравится все, кроме наказания. Кому по душе вечно толкать камень в гору? Нет, это не для меня. Но ты поведал слушателям кое-что новое, чего я не знал. Золотая цепь, а? Он связал бога смерти золотой цепью?

Старик кивнул.

– Жаль, что у меня нет ни цепи, ни золота.

– Жаль, – согласился старик.

– Проклятье! – гнул свое Эвбулей, нимало не интересуясь согласием или возражениями калеки. – У меня нет золота. Нет серебра. Нет теплой одежды. Нет хорошего вина. У меня нет даже кубка! Завалящего кубка из дрянной меди, с дешевыми камешками по ободку! У меня нет, а у тебя есть. Я видел, как жирный торговец, восхищенный твоими рассказами, подарил тебе этот кубок. Тебе не кажется, путник, что судьба несправедлива?

– У меня есть кубок, – эхом откликнулся старик. – И судьба воистину несправедлива. Ты прав.

– Дай его мне! И тогда мы скажем, что у тебя кубка нет, а у меня есть. Возможно, тогда ты доживешь до завтрашнего дня.

Нож в пальцах мелкого порхал все быстрее. Бронзовому клинку не нравились слова вожака. Какие? Требование отдать кубок? Обещание сохранить старику жизнь?!

Эвбулей хотел кубок. Нож хотел крови.

– И опять ты прав, – старик пожевал запавшим ртом. Можно было подумать, что он пробует истину разбойника на вкус. – Ты заслуживаешь кубка, не я. Что стоят жалкие рассказы перед гордой силой? Боги на твоей стороне, Эвбулей.

---

³ Эвбулей – «дающий благие советы». Мужское имя, а также эпитет Зевса.

Он снял котомку, поставил на землю. С трудом присел рядом, потерял равновесие, шлепнулся боком на землю. Засмеялся над своей неуклюжестью, достал из котомки кубок, протянул Эвбулею:

– Вот. Забирай.

Вожак взял кубок. Спросил:

– Что у тебя в котомке?

– Две лепешки. Было три, одну я съел на ходу. Связка луковиц. Круг козьего сыра. Маленький, если по правде. Шляпа из войлока.

Плясал нож. Бесился. Старик был болтуном.

Зачем жить такому?

– Хочешь проверить? Забрать? Тогда бери всю котомку, так легче будет унести.

Эвбулей не стал проверять. Он даже отвечать старику не стал. Во все глаза, пятясь, вожак смотрел на белого коня, выросшего позади слепца. Откуда взялся конь? Соткался из воздуха? Слетел с неба? Вынырнул из земных глубин?! Останься дружки Эвбулея на месте, вожак уже врезался бы в них спиной. Но нет, дружки тоже пятились, и как бы не быстрее своего предводителя. Повернуться и кинуться прочь, сверкая пятками, им мешал страх. Казалось, стоит оторвать взгляды от коня, показать ему затылки, стриженные овечьими ножницами – и случится страшное.

Конь? Живой кошмар.

Вдвое больше самой рослой лошади отсюда до Крита, он рыл землю копытом. Храп жеребца заполнял вселенную, врвался в уши разбойников, раздирал их, лишал слуха. Все звуки мира гасли, кроме этого храпа. Бешеные глаза горели двумя кострами, разведенными ночью в честь Гекаты Шестирукой. Пара мощных крыльев соткалась над крупом. Крылья бились, трепетали, превращая коня в Зевесова орла, кровопийцу Эфона.

Это было невозможно, но конь продолжал расти.

Горой нависнув над стариком, он вздернул верхнюю губу. Обнажились зубы, приличествующие скорее матерому льву. Слепец с большим трудом, кряхтя и охая, поднялся на ноги. Протянул руку, с трудом дотянулся, похлопал чудовище по шее:

– Тихо, дружище! Все в порядке, успокойся.

И дал совет разбойникам:

– Бегите. Он не станет вас преследовать.

Они стояли как одно целое: слепец и конь. Два тела как одно. И все-таки им чего-то не доставало. Кого-то? Сегодня был плохой день для таких размышлений. Эвбулей, мужчина средних лет и крепкого телосложения, точно знал: плохой, хуже некуда. Прежде чем пуститься наутек, он швырнул в старика кубком.

Старик поймал кубок на лету.

Конь и впрямь не бросился в погоню. Разбойники, убегая, делались меньше, превращались в глиняные фигурки, вылепленные малышкой для забавы. Расстояние пожирало их, время доедало остатки. Делался меньше и конь. Не двигаясь с места, равнодушен ко времени и расстоянию, он терял грозный вид. Исчезли крылья, погасли глаза, сохранив обычный влажный блеск. Старик поднял котомку, достал лепешку, протянул коню:

– Будешь?

Конь не отказался.

Старик привалился к коню боком. Было видно, что калеке трудно стоять. Мелкая дрожь била старца. Казалось, он испугался только сейчас, когда спасся от лихих людей.

– Благодарю тебя, – пробормотал старик. – Хорошо, что явился ты. Этот щенок... Я чуял его запах: кислый, злобный. Он хотел убить меня. Что бы ни велел вожак, он хотел меня убить. Он меня не знает, ему просто нравится убивать. Как хорошо, что явился ты, Пегас! Мне даже страшно представить, что случилось бы...

Ноги отказали. Старик упал на тощий зад, вскрикнул от боли.

– Мне даже страшно представить, – повторил он хриплым шепотом, – что случилось бы, явись не ты, а *он*. Вряд ли *он* дал бы этим дуракам убежать. Я знаю тебя, я знаю *его*. Я знаю нас троих. И поэтому я знаю, что говорю.

Вечер опускался на дорогу, пыльную и каменистую. На Алейской равнине таких дорог тысячи. Здесь можно встретить кого угодно, даже самого себя. Что значит дорога? Время и расстояние. Можно пойти вперед, можно вернуться назад.

Даже если речь о времени, все равно можно вернуться назад.

Книга первая Если герой приходит

Часть первая Люди, боги и я

Бродячие певцы знают мою жизнь лучше меня.

Они знают все, от первого вздоха до последнего хрипа; все, кроме правды. В этом есть здравый смысл: за правду не платят. Не дадут монетки, не нальют чашу вина. Кроме того, за правду можно схлопотать молнию с ясного неба.

Им нельзя, мне же можно.

Давайте я расскажу вам правду. Не из корысти, нет! Вряд ли вы окажетесь щедрее прочих. Но вечер долог, дождя нет. Мы сыты, сидим в тепле. Почему бы для разнообразия не скоротать ваше драгоценное время за моей недорогой правдой?

Первого вздоха не помню, врать не стану. А вы? Уверен, ваша память тоже не сохранила миг рождения. Вот детство – другое дело. Любовь и ненависть пускают корни именно там, в плодородной земле детства.

С него и начнем.

Эписодий первый Тайна золотых цепей

1

«Ты уверен, что это радость?»

– Радость! Великая радость!

На лице гонца застыл ужас.

По взрослым часто не поймешь: радуются они, злятся или еще чего. Но ужас-то я сразу узнал! Такое лицо было у Делиада, когда Алкимен ему гадюку в постель подбросил. Гадюка оказалась дохлая, но Делиад-то не знал!

Гонец боится, сейчас лужу со страху напрудит. А кричит: «Радость!»

Почему?

Внутри меня все сладко замерло. Чудовище! Говорю вам, чудовище! Возле города объявилось, хорошее мое. Вот и ужас: небось, уже съело кого-нибудь. А радость – потому что подвиг! Папины воины который год от безделья маются: войны-то нет, даже самой завалящей. А тут – чудовище! Всем радостям радость! Воины убьют чудовище и станут героями. Потом устроят большой пир и будут радоваться еще больше, чаша за чашей, пока не напьются до козых копыт.

Я принялся судорожно вспоминать всех известных мне чудовищ. Дракон Ладон? Ага, где мы, а где остров Гесперид! Тифон? Его Зевс уже победил. Медуза Горгона? Ее Персей убил, как раз на мой день рождения. Ехидна? Эта в своей пещере сидит, наружу носа не кажет. Драконица Дельфина? Нет, если бы она из моря вылезла, уже бы весь город знал. Циклоп? Кербер? Пегас?! Он вроде не чудовище...

Может, какое новое объявилось?

Папа воинов в бой поведет. Ну да, папа – кто еще? Воссядет на колесницу, возьмет два копья. Меч возьмет, щит. Жаль, меня не возьмет. Может, хоть издали дадут посмотреть? Нет, не дадут. Ну и ладно! Я дыру в стене знаю. Чудовище туда не пролезет. И взрослый не пролезет. А я пролезу! Проверял уже. Выберусь тише мыши – и за ними. Все-все увижу! Расскажу Алкимену и Делиаду с Пиреном, как дело было – они от зависти сдохнут! Они большие, с мечами и копьями упражняются. Мне, сказали, еще рано. Ну и пусть! Зато я увижу, как будут убивать чудовище!

Главное, выяснить, куда воины пойдут. И бегом, чтобы не отстать.

– Радость, господин!

Из дворца, никуда не торопясь, вышел Главк, правитель Эфиры. Мой папа. Ну да, не только мой. У меня трое братьев – всем Главк папа. И все братья – старшие.

Не повезло.

Папа остановился наверху широкой лестницы. О нашей лестнице всегда говорят – широкая, так как высокой ее назвать трудно. Пять ступенек, зато из белого паросского мрамора. Служанки моют-подметают трижды в день. Поэтому лестница всегда чистая и сияет. Папа любит стоять на самом верху и смотреть сверху вниз. На дворцовый двор. На крепость-акрополь. На Эфиру, раскинувшуюся под холмом. На Лехейскую гавань, где толкнутся пузатые, как водяные жуки, корабли со всего света. А Кенхрейскую гавань отсюда не видно. Видно, не видно – все наше, в смысле папино, наше-нашенское до последнего камешка.

На море папа тоже любит смотреть, хоть море не наше, а Посейдоново. Постоит, скажет что-нибудь такое, что правителю положено – например: «Сегодня у меня важный гость. Никого не принимаю,» – и обратно во дворец уйдет.

Сейчас Главк Эфирский смотрел на гонца. Смотрел так, словно дворца не существовало. Ни крепости, ни города, ни даже моря. Гонец бухнулся перед владыкой на колени. Никакой это не гонец, дошло до меня. Гонцов я видел. Они молодые, да. А этот седой, лишь на затылке кое-где черные кучеряшки. Хитоны на гонцах яркие. Сами гонцы потные, в пыли, а все равно нарядные. У этого хитон простой, некрашенный, по подолу обтрепался. Вместо пояса – веревка. У ног посох валяется.

Пастух. Точно вам говорю, пастух! Небось, его овец чудовище сожрало.

Чего папа ждет?

Во дворе начали собираться люди. Только что никого, считай, не было – и вот нате вам! Придворные и советники толпились по обе стороны крыльца. Слуги замедляли шаг, останавливались. Вроде как случайно задержались или дело прямо тут нашлось.

Не видно ничего за их спинами. Ну, кроме папиной макушки.

– Встань и говори.

Я стал протискиваться поближе. Вокруг меня мелькали ноги – босые, в сандалиях, исцарапанные, гладкие – и подола одежд. Время от времени я падал на четвереньки и лез напрямик, между ногами. Я мелкий, мне легко. В нос шибали запахи: пот, ароматические приправы, чеснок, лаванда, свежий хлеб, вино. Я изворачивался, лавировал в бесконечном лабиринте-многоножке, спешил как мог. А пастух уже возвещал:

– Господин, меня послали сообщить о великой радости!

– Ты уверен, что это радость?

Ну да, небось, папа тоже лицо пастуха разглядел.

– Так он мне велел, господин. Сообщи, мол, бацилею⁴ Главку о великой радости.

– Кто – он?! Говори толком!

– Прости, господин! Я говорю, как велено. Радость!

---

⁴ Бацилей обычно переводится как «царь». Правильнее – вождь; иногда – наместник.

Полный отчаяния голос пастуха взлетел над двором, «пустил петуха» и рухнул обратно. Пастух закашлялся. К этому времени я уже выбрался из толпы и услышал:

– Богоравный Сизиф, сын Эола...

– Что – Сизиф?!

– Твой отец, господин! Он вернулся!

Ахнула бабушка Меропа, закрыла рот рукой. Я и не заметил, как она вышла, встала позади отца. Бабушка Меропа у нас красавица. На вид ровесница моей мамы, а главное, ее даже папа побаивается. Бабушка – не только бабушка, но еще и дочь, одна из плеяд⁵. Ее папа, мой прадедушка – Атлант. Ага, тот самый, титан.

Который небо держит.

Тут кто угодно заботится. Обидишь бабушку, а тебя небом по башке – тресь! И звезды из глаз. Говорят, бабушку Меропу только дедушка Сизиф не боялся. Даже жениться на ней – и то не побоялся! Я вот иногда думаю: как он с ней столько детей прижил? Храбрый какой...

Ой! Это же пастух про дедушку Сизифа сказал! Дедушка, значит, вернулся. Как он мог вернуться?! Он же умер! И как же теперь чудовище?!

От внезапной догадки я похолодел. Чудовище; дедушка. Вдруг дедушка Сизиф в Аиде чудовищем заделался? В царстве мертвых под землей и не такое случается. Вернулся злой, голодный, сейчас нас есть начнет. Меня первого, я маленький, самый свежий...

– Боги лишили тебя разума, пастух?! Мой отец умер три года назад.

– Прости, господин! – пастух рухнул на колени, как подрубленный. – Я видел его своими глазами! Я помню твоего отца с давних времен. Он говорил со мной. Это Сизиф, клянусь!

– И где сейчас мой отец?

– Он послал меня возвестить о его возвращении. Сам он идет следом. Меланий и Феодор его сопровождают. Они скоро будут здесь.

– Меланий?! Феодор?!

На лице папы читалось недоумение. Главк Эфирский припоминал имена даймонов, обитателей подземных бездн. Кто из них сопровождает воскресшего отца?

– Пастухи, господин. Неокл со стадом остался. Меня богоравный Сизиф вперед погнал, а Меланию с Феодором велел...

Пастух замолчал, побагровел. Тишина залила двор вязким маслом. Я обернулся. Я бы ничего не увидел, но толпа, запрудившая двор, торопливо расступалась перед людьми, которые мигом раньше вошли в ворота.

Впереди шел крепкий мужчина высокого роста. Его хитон – длинный, до колен! – был выкрашен в дорожный заморский пурпур, а по подолу змеилась золотая кайма. За мужчиной робко жались двое пастухов. Вне сомнений, беднякам хотелось сбежать куда подальше, но они боялись. Попробуй, послушайся, ага! Про пастухов я и забыл-то сразу – во все глаза глядел на предводителя. Вышагивал он так, будто это он здесь хозяин, а не папа. Такой весь... уверенный, вот! Настоящий базилей, и не потому что хитон. Походка, осанка, взгляд. Борода седая, а кажется, что серебряная. Аккуратная, завитая, колечко к колечку – лучше, чем у папы.

Морщины на лице? Ну, морщины.

Нет, я не мог назвать его стариком. Даже про себя. Не мог, и все! Ну какой он старик?! Дедушку Сизифа я помнил смутно. Он умер, когда мне было года три. А сейчас мне целых шесть! Ну, почти. Осенью исполнится. Вроде, дедушка. А может, нет. А если все-таки дедушка – он какой?

Живой? Мертвый?!

Солнечная колесница Гелиоса катилась по небу. Жарило будь здоров. Как вчера и позавчера. Каменные плиты двора обжигали мои босые ступни. Но мне вдруг сделалось зябко. Если

---

⁵ Плеяды – семь сестер, дочери Атланта Небодержателя.

это дедушка Сизиф, с бородой и в хитоне, он вряд ли чудовище. С другой стороны, если он мертвый – может, он не лучше чудовища? Или лучше? Или он все-таки живой? В Аиде умершие становятся бесплотными тенями, это все знают...

Я пожирал деда глазами. На тень он нисколько не походил. У него, кстати, своя собственная тень имела: исправно волочилась следом. У тени ведь не может быть тени, верно? Или может?

Ох, что-то я совсем запутался!

Дедушка-не-дедушка тем временем уже весь двор пересек. Встал напротив папы, глядит снизу вверх. Нет, не снизу вверх. Будто вровень стоят.

– На тебе твой лучший хитон, отец, – сказал Главк Эфирский. – Мы тебя в нем похоронили. Надеюсь, ты был доволен.

Сказал негромко, но в тишине его слова прозвучали как гром.

– Я доволен, – кивнул неожиданный гость. – С чего бы мне гневаться? Это мой любимый хитон. Пурпур для него привез толстяк Аби-Баал из Багряной страны⁶. Проклятый торгаш! Мера краски за три меры серебра, не грабеж ли? Владыка Аид тоже оценил. Он бы сам не отказался от такого хитона.

И Сизиф засмеялся.

Одна служанка завизжала так, что у меня заложило уши. Другая молча грохнулась в обморок.

2

Боги, за что караете?!

– Сожгли!

– Не сожгли!

– Точно вам говорю! Не сжигали его!

– Как так?! Разве можно?!

– Нельзя!

– Госпожа Меропа приказала, вот и не было костра.

– В толос⁷ медный положили!

– Я помогал, все видел...

– Травами всего засыпали. Благовониями...

– Лежал как живой...

Когда дедушка – конечно, дедушка, раз папа его признал! – проходил мимо меня, я и впрямь уловил аромат благовоний. Лаванда, мирра, ладан, опопанакс... У меня чуткий нос, а названиям меня обучила бабушка. Запах был приятный, можно сказать, торжественный, но я чуть не расчихался.

– ...вот потому и вернулся!

– Почему – потому?

– Потому что тело не сожгли, баранья твоя башка!

– Точно! Тень из Аида шасть – и в тело...

– Тс-с-с-с! Идет!..

---

⁶ Багряная страна – Финикия. Сами финикийцы называли себя «ханаанеи», а страну – Ханаан.

⁷ Толос – круглое сооружение (святилище, гробница или памятник).

У всех немедленно нашлись срочные дела. Слуги порскнули во все стороны стаей испуганных воробьев. Дел и правда хватало: из кладовых тащили амфоры с вином, мед, сыр, фрукты, лепешки, прочую снедь. От запаха жарящегося мяса у меня отчаянно бурчало в животе. По этой причине я и не заметил, как дедушка вернулся: ни аромата его торжественного не учуял, ни шагов не расслышал.

Это рабы господина за стадию⁸ чуют. И сразу – с глаз долой. А мне-то зачем?

– Как вы могли?! – бушевал дедушка.

Он спускался вниз по мраморным ступеням. Спускался долго, хотя ступенек было мало. На каждой дедушка топал так, что мрамор грозил пойти трещинами. Раз топал, два, десять. До десяти я считать умею.

– Три года! Три проклятых года!

Папа с бабушкой Меропой шли за ним, как на привязи. Топать они боялись, шли тихонько. Дедушка не оборачивался. Был уверен: жена и сын следуют за ним.

– Три года! И ни одной поминальной жертвы!

Сизиф возмущался на весь двор:

– Ни единой! Издеваетесь, да?! Я вам что, вечно живой?!

На весь двор? На весь акрополь! Небось, даже в городе слышно было.

– Ни жертв, ни достойного погребения! О боги!

Дедушка воздел руки к небесам, запрокинул голову. Кажется, он и впрямь надеялся там кого-то увидеть. На всякий случай я тоже поглядел в небо. Никого, один Гелиос, да и тот уже гнал колесницу к закату. Вряд ли дедушка обращался к солнцу. Впервые я задумался над тем, что они похожи, Сизиф и Гелиос. Небо вокруг солнца цветом напоминало дедушкин хитон: пурпур с золотом, золото с пурпуром, сразу не разберешь.

Привиделось: солнце, огромное, косматое, тяжеленное – и дедушка. Уперся в солнце руками, плечами, толкает в зенит. Привиделось и сгнуло.

– Боги, за что караете?! За какие грехи вы наградили меня такой непутевой родней?! Ты, жена моя, мать моих безмозглых детей! Ты, сын мой, плоть от плоти моей! Да, я сам учил вас бережливости. Бережливости, но не жадности! На жертвах не экономят, зарубите это себе на носу!

– Но отец... – попытался было возразить мой папа.

И тут же умолк, прерван властным жестом дедушки. Сизиф встал посреди двора: живое воплощение гнева. Из укрытий за ним следили десятки глаз. Во взглядах читался ужас и отчаянное любопытство. Я тоже смотрел. Только я не прятался. Чего мне бояться? Это ж не я жертвы мертвому дедушке забыл принести, верно? То есть, я не приносил, спору нет. Только не потому что жадный или забыл. Я не знал, рано мне еще. Если с мечом упражняться рано, значит, и жертвы приносить – тоже. Так ведь?

Нет, я правда не боялся.

– О, как стыдно мне было перед Владыкой Аидом! Перед его добрейшей супругой Персефой! Они призвали меня и спросили: «Где твои поминальные жертвы, Сизиф, сын Эола? Где подношения, где обряды? Или ты не был басилеем Эфиры? Или не остались у тебя в мире живых сыновья, жена, внуки? А может, ты не Сизиф, сын Эола? Может, ты бездомный бродяга без роду и племени? Ты, наверное, умер в придорожной канаве?»

Дедушка замолчал – трудно, небось, так долго кричать! Отдышался и продолжил:

– Что я должен был ответить Владыке и Владычице?! Что, я вас спрашиваю?! Да будь я тогда жив, я сгорел бы со стыда!

---

⁸ Стадия – мера длины. Общего стандарта не было, чаще всего равнялась 177,6 м.

– Прости, отец! Мы погребли тебя согласно наставлениям мудрого жреца Атаноя⁹. По его словам, захоронение в толосе без сожжения – великая честь. В этом случае само погребение является величайшей жертвой...

– Где?! Где этот жрец?! Этот лжец и негодяй?! Где он?!

Бабушка Метропа потупилась:

– Он давно умер, муж мой. Но оставил свои наставления потомкам.

Бабушка не казалась испуганной или пристыженной. Это, наверное, потому, что она дочь Атланта.

– Где его богохульные наставления?! Я сожгу их!

– Отец...

– Муж мой...

– Сожгу на алтаре! Вот это и впрямь будет жертва, угодная богам!

– Мы сами, отец! – поспешил заверить папа. – Не к лицу тебе приносить погребальные жертвы самому себе. Мы все исправим! Владыка Аид и могущественная Персефона будут довольны. И ты, заверяю, тоже.

– Ага, как же! – сварливо заявил дедушка.

На миг он превратился из величественного правителя в обычного склочного старика.

– Вам, бездельникам, ничего доверить нельзя! Не для того меня отпустили из Аида, чтобы вы снова все испортили! Сам, все сам! День назначу, жертву выберу... Если и доверю вам ее принести, то только под моим присмотром!

– Как скажешь, отец.

– Как скажешь, муж мой.

– Но сейчас тебя, господин наш, ждет великий пир. Можно ли не отпраздновать твое чудесное возвращение? Я себе этого не прошу! Да и боги, полагаю, не поймут.

– Пир?

Дедушка задумался. Морщины собрались к переносице – точь-в-точь пучок молний! Молнии были черными в косом свете закатного солнца. Миг, другой – и лицо дедушки разгладилось. Хорошо, на этот раз никто в обморок не упал!

– Ты прав, сын мой. – Сизиф широко улыбнулся. – Сначала пир. Гостеприимство – закон и величайшая добродетель! А я в данном случае и гость, и хозяин. Вижу, Главк, ты не совсем безнадежен.

И он возгласил:

– Пир! Великий пир! Сизиф, сын Эола, вернулся из тьмы Аида! Приглашаю всех!

Всех? Значит, меня тоже пустят?

– Ну конечно! – рассмеялся дедушка, оборачиваясь ко мне. Оказалось, я произнес это вслух, можно сказать, выкрикнул. – Тебя, Гиппоной, в первую очередь! Сын Главка, внук Сизифа – кого и звать, если не тебя?!

Я не испугался, честно! Ну, попятился, бывает.

Это ноги мои испугались, не иначе.

А дедушка-то меня помнит, оказывается!

3

«Ты не стоишь своей соли!»

В мегароне¹⁰ я до того был всего два раза. Пробирался тайком, когда папы там не было. Фрески на стенах рассматривал. Справа красавец-Зевс злыдня Тифона молниями лупит. Слева

---

⁹ Атаной – «Замышляющий Обман».

¹⁰ Мегарон – главный зал дома (дворца).

Афродита из пены морской встает. Красивая! На бабушку Меропу похожа. А на дальней стене кого только нет! Эфира-океанида указывает, где наш город возводить. В честь нее, кстати, город и назвали. Дальше сам город – не такой, как сейчас, еще только строится. Гелиос по небу на колеснице едет, вниз поглядывает. Посейдон, весь в пенной белой бороде, корабли в нашу гавань направляет. А вон там на холме...

Да это же дедушка Сизиф! Точно, он!

Дедушка расположился как раз под собой-нарисованным. Мне легко было сравнивать. Похож!

В мегарон стащили столы и скамьи со всего дворца. Гостей набилось – как оливок в пифосе¹¹! Братьев моих тоже позвали. И сыновей папиных советников. Остальные – взрослые, понятно. Нам вообще повезло! Если б не дедушка Сизиф, папа бы нас на пир не пустил. Но дедушке он возразить не посмел. Это ведь дедушкин праздник, верно? Да еще какой праздник! Кто еще из Аида возвращался, кроме Сизифа?

А никто!

Мне даже чуточку вина в кубок с водой плеснули, вот!

На возвышении, на резных ложах с подушками, за большущим столом – дедушка, папа и самые доверенные люди. Ниже, на скамьях, за столами поменьше – все остальные. Я думал, дедушка сразу начнет рассказывать про Аид: как туда попал, что видел, как к нам вернулся. Но дедушка ничего такого не рассказывал, ни сразу, ни потом. Все возносили здравницы: богам, дедушке, папе, снова дедушке, нашей семье, гостям, опять дедушке...

Короче, напились вина и давай галдеть каждый о своем. Кричат, перекрикивают – хуже чаек в порту! У меня даже уши заболели. Если дедушка что и рассказывал – ни за что не услышишь.

Но пир – это все равно здорово! Столько вкуснятины за раз я еще никогда не ел. Даже сыр подали особенный. Подумаешь, невидаль – сыр? Каждый день его ем. А такого, оказывается, не пробовал! Даже не знал, что такой бывает. Видать, в честь праздника из тайника достали.

Ну, баранина – это само собой. Вяленые смоквы, дыня – м-м-м, объеденье! Орехи, жареные в меду. Лепешки с медом и без. В одну лепешку Алкимен мне соли сыпанул. Вином плеснул, а по мокрому – солью, от души. Раба за эту соль не купишь, но солдату дней за десять уплатить можно¹². Это точно Алкимен, я знаю! Хотя и не видел. Плеваться за столом нельзя, а очень хотелось. Алкимен косился на меня исподтишка, давился от смеха.

– Ты не стоишь своей соли! – сказал я ему.

Он обиделся.

Я тоже давился, но не от смеха. Тот кусок, что откусил, я все-таки проглотил. А остальное втихоря под стол бросил. Сперва думал папе пожаловаться. Он бы за такую растрату с Алкимена три шкуры спустил. Думал я, думал и передумал.

Из-за Алкимена нас позже вон выставили. Детей, в смысле. Этот дуралей стащил у слуг кратер с вином. Пил-пил, аж задохнулся. Дух перевел, кратер уронил и давай орать не пойми что. Хотел на стол вскочить, упал. Ну, нас всех и погнали. Наверное, хорошо, что погнали. Есть я больше не мог, про царство теней дедушка помалкивал, а галдеж гостей мне уже все уши забил. Еле вытряс его оттуда, пока к себе шел.

Глаза у меня слипались. Вслепую шел, наощупь.

---

¹¹ Пифос – большой широкогорлый кувшин для хранения продуктов.

¹² Соль играла роль денег. За соль покупали рабов, солью платили воинам. Плохой воин «не стоил своей соли».

4

В Аиде звезд нет

Проснулся я среди ночи.

Живот свело так, что хоть плачь. Видать, на пиру объелся. А Пирену – он рядом со мной спит – хоть бы хны! Даже обидно. Сопит, гад, будто так и надо!

Темно было, как... Как в Аиде! Это я из-за дедушки Аид вспомнил, не иначе. Раньше бы и в голову не пришло. Ну, до отхожего места я и с закрытыми глазами дорогу найду. Первый раз туда ночью бегать, что ли?

Выбрался на задний двор. В небе Луна-Селена сияет, дорогу подсвечивает. Спасибо ей! Я бегом припустил, добежал. Еле успел! Ф-фух, полегчало! Хотел обратно идти, досыпать, смотрю – сидит кто-то посреди двора. На колоде для рубки дров.

Кому это не спится? Я подошел.

– Звезды, – мечтательно произнес дедушка Сизиф. – Они прекрасны.

Он глядел в небо. Я тоже посмотрел. Ну да, звезды. Словно там, на небе, город, скрытый тьмой, а в окнах светильники горят. Большущий, должно быть, город! Куда нашей Эфире до него! Кто в нем живет? Боги, кто же еще?

– Давно не видел.

С кем он говорил? Со мной? Не со мной? Так, вообще?

Я решил, что со мной.

– В Аиде звезд нет, дедушка?

Он долго молчал, прежде чем ответил:

– Нет, Гиппоной. В Аиде звезд нет.

Про солнце с луной я спрашивать не стал. Царство теней – оно ведь под землей, верно? Значит, туда Гелиос с Селеной не заглядывают. Мог бы и про звезды сам догадаться.

– А что там есть? Расскажи!

Свет луны: молоко с серебром. Облитое этим молоком лицо дедушки казалось неживым. Будто из мрамора высекли. Я сперва на это внимания не обратил – так мне хотелось услышать рассказ про подземное царство. Но тут лицо Сизифа почернело, будто обуглилось, и этого я уже не мог не заметить.

Я попятился. Меня продрал озноб. То ли порыв ветра налетел, то ли от дедушки холодом повеяло. Я моргнул и чернота сползла с лица Сизифа, как обгорелая тряпка. Мельком взглянув на небо, я выдохнул с облегчением. Всего лишь облако! Оно закрыло луну, но серебристая Селена досадливо отмахнулась – и ночной Зефир унес облако прочь.

С дедушкой все в порядке! Но почему у меня коленки дрожат?

Ноги не хотели слушаться. Я их заставил. Гнуться – нет, а идти – да. Сизиф молчал, ждал. Я подошел, с замиранием сердца коснулся его колена. Колено как колено. Теплое. Твердое. Сбоку волоски на коже.

– Убедился? – засмеялся дедушка. – Как, по-твоему, парень? Я живой?

Я с уверенностью кивнул:

– Живой!

– Ну, тогда давай я тебе расскажу, как живой живому...

– Про Аид?!

Старших перебивать нельзя, это я знал. Само вырвалось, вот беда.

– Нет, не про Аид. Уверен, мой рассказ будет куда интересней. Как насчет сказки про богов и чудовищ? Хочешь послушать?

– Хочу!

– Про подвиги и сражения?

– Хочу!!!

– Про ум, хитрости, уловки. Как же без них?

Ум, хитрости и уловки я пропустил мимо ушей. До них ли, когда впереди подвиги и сражения?

Эту фразу Сизифа я вспомню много позже – и буду помнить до конца моих дней. Да, в детстве глупый Гиппоной – ветер в голове! – не понимал, почему дедушка не хочет рассказывать внуку о царстве теней. Но дед легко отвлек ребенка от лишних мыслей, предложив взамен увлекательную сказку – и я с радостью согласился.

Придет время, и я пойму, почему он не хотел рассказывать об Аиде. И несколько не пожалею, что согласился на сказку. Она того стоила.

5

Сказка дедушки Сизифа

– В давние-предавние времена...

– Тысячу лет назад!

– Нет, не так давно. Скажем иначе: в то далекое время, когда кое-кто из эфирских мальчиков еще не бегал мочиться на двор, докучая старому деду, Зевс, владыка богов, отдыхал, измученный тяжелой битвой. Могучему Громовержцу нужно было набраться сил и изобрести способ, как победить своего врага, рожденного из земных недр...

– А я знаю! Молнией! Молнией его – бац!

– Молния – это да. Молния – сила. Но победу в битве приносят не только сила и храбрость. Ум и хитрость не менее важны. Это так же верно для богов, как и для людей. Ум и хитрость! Запомни это, парень, и слушай дальше.

– Я запомню, дедушка.

– Пока Громовержец отдыхал и строил планы, его благородная супруга Гера втайне от мужа созвала обитателей Олимпа. «Зевс ослабел, – заявила Гера, чье благородство сегодня превзошло все мыслимые пределы. – Раньше ему не требовался отдых перед новым сражением. Раньше он мог одержать две победы за ночь и приступить к третьей, даже не переведя дух. А сейчас? Сами видите, бессмертные. Хорошо, нас он ни во что не ставит. Так было всегда, мы привыкли. Но и сам он уже не тот, что раньше. Нам нужен новый владыка богов!» Владычица – вот что подумала Гера, но вслух не произнесла. Ум и хитрость, помнишь? Многие боги соблазнились. Каждый надеялся занять трон Зевса, каждому стал мил коварный замысел – свергнуть Зевса с Олимпа.

– Каждому? Это значит – всем?

– К счастью, не всем. Но мятежники были в большинстве.

– Они напали на самого Зевса?!

– Ослаб Зевс или нет, остальные боги его все равно опасались. Они не рискнули напасть на него в открытую. Вместо этого они поручили Гефесту, богу-молотобойцу, выковать в своей кузне чудесную золотую цепь. Когда Зевс заснул, семья подкралась к нему и сковала золотой цепью.

– Зевс – самый могучий бог! Он проснулся и разорвал цепь, да?!

– Зевс могуч, ты прав. Но любой силе есть предел. Гефест – искусный мастер, создание чудес – его божественный дар. Он сковал такую цепь, которую не под силу разорвать никому, даже Зевсу. Оставив пленника проклинать вероломство родичей, боги стали спорить, кому теперь достанется власть на Олимпе. Думаю, вряд ли бы они до чего-то договорились – и в

итоге принялись бы сражаться за право воссесть на трон. От этой битвы проистекли бы великие беды, но к счастью, случилось странное.

– Чудо?!

– Можно сказать и так. Поблизости объявилась морская богиня Фетида, которая не участвовала в заговоре. Она увидела плененного Зевса и тут же поспешила за помощью.

– Вот молодец! Только какое ж это чудо?

– А ты пораскинь мозгами, парень. Фетида – не олимпийская богиня. Она всего лишь морская нимфа, дочь старца Нерея. Что nereида делала на Олимпе?

– Ну, мало ли? Может, в гости зашла!

– В гости? Вот так запросто, на Олимп?!

– Ее папа-Нерей прислал за чем-нибудь!

– Папа? Ну, допустим. Мог и прислать: например, за солью. В море соль кончилась, а на Олимпе ее навалом. Берешь лепешку, сыплешь гору соли, а потом подсовываешь брату или сестре – и хохочешь. У богов свои дела, не нам о них судить. Но вот что удивительно: Гера всегда покровительствовала Фетиде. Почему же та не примкнула к ее заговору? Почему пошла против своей благодетельницы?

– Она хотела спасти Зевса! Зевс главнее Геры!

– Тут не поспоришь: Зевс главнее Геры. Вот только все милости Фетида получала от Геры, а не от Зевса. Разве что она заранее знала – или предполагала – чем все закончится. И решила примкнуть к будущему победителю.

– Нет, дедушка! Она хотела замуж!

– За кого, парень?

– За Зевса! Все девчонки хотят замуж. А тут целый Зевс!

– Смотри-ка! Да ты вырос, парень. Ты уже умнее меня, а это кое-чего стоит. Замуж? Вполне вероятно. Но и это не самое удивительное.

– А что же, дедушка?

– Не что, а кто. Всех удивительней тот, кого Фетида привела на помощь Зевсу.

– Кто же он?

– Бриарей Сторукий, охранник Тартара. Сила сильная, древняя, превыше новых сил.

– Ух ты!

– И опять ты прав, парень. Ух ты! Уговорить Сторукого оставить службу и явиться на Олимп – это не комар начинал! Разве что сама Мать-Гея попросила. Увидела, чем война богов ей грозит, если Олимпийский трон делить станут.

– Нет, Сторукому Зевс приказал! Послал к нему Фетиду...

– Приказал? Сторукому никто не указ. Только у Бриарея хватило силы разорвать золотую цепь, которой был скован Зевс. Видя, *кто* пришел на помощь Громовержцу, боги устрешили и покорились своему владыке.

– И Зевс их покарал!

– Нет, Зевс их помиловал. Всех, кроме своей благородной, своей предприимчивой супруги, которая затеяла мятеж. Ее Зевс подвесил на обрывках той самой цепи между небом и землей. А к ногам Геры он привязал две тяжелые медные наковальни, которые повелел принести Гефесту. Видя, как мучается его мать, Гефест попытался вступить за нее перед отцом, но тот в ярости сбросил его с Олимпа. Во второй раз уже, кстати.

– Зевс скидывал его дважды?!

– В первый раз Гефеста сбросила Гера, стыдясь уродливого сына. Тогда он сломал ногу и до сих пор хромот. Теперь же его сбросил отец. Веди себя хорошо, парень, мне бы не хотелось скидывать тебя с крыши нашего дворца. И Главку не хотелось бы, уж поверь мне!

– Гефест сильно ушибся?

– Не сомневаюсь в этом. Но меньше, чем в первый раз. Привычка, знаешь ли... Кстати, на этом наша история не закончилась.

– А что было дальше?

– Дальше самое интересное. Висела Гера между небом и землей, висела, размышляла о содеянном и в конце концов взмолилась своему супругу: «Смилуйся, мой великодушный муж! Я клянусь никогда больше не злоумышлять против тебя! Вся Олимпийская Семья тебе в том поклянется!» И прозвучала клятва: все пообещали, что не станут оспаривать верховную власть Зевса. Тогда Зевс освободил Геру. А обрывки чудесной золотой цепи упали на землю.

– Небось, здоровенная была?! Если ее сам Зевс порвать не мог?

– Здоровенная, парень. В руку толщиной. Даже больше.

– Это ж какая уйма золота! Вот бы найти!

– Тут ты опоздал. Нашли без тебя, люди – они глазастые. Кто нашел – обрадовался, понятное дело. Один на кубки и блюда переплавил. Другой купил на это золото корабли, рабов, разные заморские товары...

– Мечи надо было покупать! Доспехи! Вооружить армию и кого-нибудь завоевать! Кучу добычи захватить!

– Уверен, кое-кто так и поступил. Но жил да был один старый хитрец, который нашел обрывок цепи и не стал его ни переплавлять, ни продавать.

– Что же он сделал?

– Припрятал. Не слишком далеко, чтобы цепь всегда была под рукой. А когда за старым хитрецом явился бог смерти Танат, чтобы забрать его душу в Аид – хитрец набросил на Таната эту цепь. Сказать по правде, он не знал заранее, что случится. Но цепь на его счастье почуяла бессмертного. Сама собой она обвилась вокруг бога, сковав его по рукам и ногам. Вырваться Танат не сумел – и старый хитрец продолжил жить.

– Здорово! А Танат остался у него в плену?

– На какое-то время.

– На какое?

– На три года. Три лишних года жизни – это немало, уж поверь мне. В течение этих лет никто из людей не умирал – Танат ведь был скован! Позже боги забеспокоились, выяснили, где находится Танат – и отправили бога войны Арей его освободить. Вдвоем Танат и Арей разорвали-таки цепь...

– Как разорвали?!

– С трудом. Но справились – все-таки обрывок, не целая, когда потребовался Сторукий. И старый хитрец отправился напрямиком в Аид.

– Жалко его, дедушка...

– Брось жалость, парень! Три года чистого выигрыша – завидовать надо!

– А цепь?

– Ее забрал Арей. Танат после заключения шарахался даже от единственного звена этой цепи. Он не прикоснулся бы к ней ни за какие медовые коврижки!

– Это все, дедушка? Конец сказки?

– Нет, у нее есть продолжение. Но это уже совсем другая история.

– Расскажи!

– Не сейчас. Засиделись мы, рассвет скоро. Пойдем-ка спать. Гипнос¹³ – не Танат, хоть и родной его брат-близнец. Уважь бога, хорошо? Надеюсь, он будет милостив к нам обоим...

---

¹³ Гипнос – божество сна.

СТАСИМ¹⁴

ПЕСНЯ, ОХОТА И БИТВА

Белый конь пасся на склоне горы, возле ручья. Время от времени он поднимал голову к небу и тихонько ржал. Вот он поднял голову в очередной раз, начал рыть землю копытом. Фыркнул, но уже иначе: громко, с беспокойством, почуяв что-то необычное.

Сперва пришел аромат лилий. Следом явилась песня.

Девушки и впрямь были похожи на свежие, только что распустившиеся лилии. Одеты в кисею, которая скорее подчеркивала прелесть их наготы, нежели скрывала ее, юные красавицы двигались в танце: неспешном, причудливом, завораживающем. Кружились, вскидывали вверх тонкие руки, изгибались как тростник под ветром. Казалось, песня рождается сама, беря свой исток не в горле, и даже не в сердце, но в пляске.

Чудесный напев оставил коня равнодушным. Кого другого искусство Муз¹⁵, владычиц гармонии, свело бы с ума, но только не Пегаса. Танцевали девицы ниже по склону, в отдалении, достаточном, чтобы конь не видел в них угрозы. Вернувшись к трапезе, Пегас дергал ухом: вслушивался на всякий случай.

Трава вокруг него пошла в рост.

Вот сочные травинки достигли конских колен, дотянулись до брюха. Пегас увеличился: не любил щекотки. Трава в испуге съежилась, зато выросли деревья. Липы стали как дубы, дубы – как скалы. Это не смутило бы Пегаса, когда б не содрогание тверди под могучими копытами. Конь вырос еще на ладонь, на две, раздался в груди. Запрокинув голову, он заржал: страстно, дико. Мерцание над конской спиной отрастило перья, обернулось крыльями. Крылья хлестнули воздух, гром прокатился над горой, говоря всем: я, Пегас, здесь!

В ответ грянул гром с севера.

В считанные мгновения он распространился от Олимпа до Геликона, на миг заглушив пение Муз. Зевс, владыка богов, отвечал: я тоже здесь! Два грома переплелись, смешались так, что и не отличить, где чей. Угасли, стихли, вернув миру песню и аромат лилий. Все успокоилось, кроме горы и Пегаса. Конь встал на дыбы, ударил воздух копытами. Что-то творилось под ним, в самых недрах Геликона, прорываясь наружу неведомой опасностью. Чудовище ли прервало свой сон? Бог ли восставал к свету?!

Вслед за травой, деревьями, конем начала расти гора. Геликон распухал, как тесто на кислой закваске, тянулся ввысь.

Склоны вскипели осыпями, осыпи превратились в лавины. Распахнулись трещины, открылись жадные рты пропастей. Огромный дуб вывернуло с корнем. Дерево упало рядом с конем, едва не придавив свою жертву. В последний момент Пегас успел прыгнуть в сторону. Конь озираясь по сторонам, высматривая дорогу для бегства – а может, хотел взлететь, но рост горы мешал разгону.

Музы пели как ни в чем не бывало. Двигались по кругу единым существом, девятиглавым и восемнадцатируким, продолжая свой танец. В грохоте и шуме их песня не потерялась, как причина не может затеряться в следствиях. Те, кто свел Геликон с ума, толкнул на подвиги, несвойственные горам, знали, что делают и зачем.

С небес за горой следила Афина.

---

¹⁴ Стасим – песня, исполняемая хором между эпизодами в античной трагедии. Досл. «Стоячая песнь».

¹⁵ Музы («мыслящие») – покровительницы искусств и наук. Дочери Зевса и Мнемосины, богини памяти. По иной версии дочери Гармонии, богини согласия.

Богиня выжидала. Вот-вот придет ее час, звездный час победы. Конь в страхе начнет метаться, забыв себя, утратит бдительность, изойдет пеной. Рискую поломать ноги, лишенный свободы маневра, он будет тщетно мечтать о полете, пытаться взять разбег, всякий раз натываясь на разлом, трещину, рухнувшее дерево. И тогда Афина падет на него с небес, будто коршун на добычу. Оседлает, сдавит бедрами крутые бока, вцепится в гриву пальцами-клещами.

В своей силе богиня не сомневалась.

Уговорить Муз оказалось легче, чем она предполагала. Вызов – вот чем кормится истинное искусство, ест жадно, забыв о приличиях. Есть ли вызов больше, привлекательней, чем поймать неуловимого коня, заставив гору пойти в рост?! Формальной наградой за услугу послужило обещание Афины, что на барельефах и алтарях ее, Деву-Воительницу, будут изображать в окружении Муз. Где восхвалят Афины, там помянут и «мыслящих». Если раньше Музы кормились жертвами смертных при Аполлоне-Мусагете¹⁶, то теперь им доставался еще один жирный кусок.

Лучше иметь в покровителях двух детей Зевса, сына и дочь, чем только сына. Муза ты или торговец зерном – расчет один, как ни крути.

Дело шло к концу. Пегас метался, пугаясь все сильнее, силы коня иссякали. Вот он снова взвился в воздух, танцуя на задних ногах. Стал больше, еще больше: таким конь не был никогда. Афина улыбнулась: вынужденный гигантизм жертвы развлекал ее, бодрил, делал ситуацию предсказуемой. В боевой ипостаси богиня и сама вырастала до чудовищных размеров.

Куда там какому-то жеребцу?

Улыбка сверкнула и погасла. Неумолимая логика военной стратегии вошла в противоречие со смутным окриком чутя, темным предчувствием опасности. Что-то в происходящем – знать бы, что! – насторожило богиню. Она уже готова была ринуться на добычу, но промедлила – и это, пожалуй, спасло Афины от многих невзгод. Рост Пегаса прекратился, но конь вскипел силой изнутри. Даже на расстоянии Афина ощутила избыток этой силы, первобытной мощи, требующей немедленного выхода. И выход нашелся, не заставил себя ждать.

Пегас ударил гору копытом. Так, словно бил врага.

Афина знала, как бьет молния отца. Знала, как бьет трезубец дяди, повелителя морей. Молот Гефеста, собственное копье Афины, неумолимая ладонь судьбы – о, богиня могла считать себя истинным знатоком ударов! Сейчас, ужасаясь тому, что видит, она добавила в свою коллекцию еще один удар, достойный стать жемчужиной собрания.

Звук, родившийся от столкновения копыта с вершиной, оглушил Афины. Исчезла какофония лавин, умерла песня муз. Даже если от Олимпа и донесся новый гром, возвещающий миру о гневе Зевса, никто его не услышал. Там, где еще недавно танцевали Музы, властвуя над каменными мышцами и рудными костями Геликона, не осталось и следа от хоровода девушек. В небо метнулась стая испуганных птиц: утка, вертишейка, зеленый дятел, чомга, зеленушка, щегол...

Забыв о договоре с Афиной, обезумев от паники, Музы спасались бегством.

Гора прекратила расти. Геликон уменьшался, возвращался к исходному состоянию. Эхо удара бродило в темных недрах, приказывало, угрожало. Не подчиниться значило изойти крошкой, рассыпаться трухой, горкой стылого пепла. В том месте, где копыто соприкоснулось с мятежным Геликоном, забил родник. Ледяная вода растекалась окрест, бурлила, отказывалась утомиться, впитывалась в землю. Ее холод остужал жар, еще недавно плававший в самом сердце Геликона, приводил гору в чувство, погружал в сон: вечный, первобытный.

– Гиппокрена, – вслух произнесла Афина, не замечая, что дрожит всем телом. – Конский источник. Не знаю, дружок, кто будет пить из тебя. Кто угодно, только не я. Нет, я еще не сошла с ума!

---

¹⁶ Мусагет – Предводитель Муз, одно из прозвищ Аполлона.

Белый конь пасся на склоне горы, возле ручья. Дергал ухом, вслушивался на всякий случай. Время от времени поднимал голову к небу, негромко ржал – все тише с каждым разом. Угрожал? Успокаивался? Гора оставалась горой, не выкидывала безумные коленца. Высоко в небе, забыв об охоте, парила сероглазая дочь Зевса.

Иные битвы, сказала себе Афина. Иные горы, иные молнии.

Ты, богиня? Помнишь, с чего все началось?

...скалы летели в небо.

Их встречала свирепость молний, дробя на части. Гулкий камнепад без сил валился вниз, туда, откуда пришел. На смену павшим являлись новые воины: скалы в количестве много больше, чем раньше, раскаленные от бешеного гнева.

Зевс бился с Тифоном¹⁷.

Бежали все. Бежал сребролукий Аполлон, теряя стрелы из неиссякаемого колчана. Бежала его сестра, Артемида-Охотница, неслась прочь и визжала на бегу как раненая свинья, забыв о достоинстве. Бежал хромой Гефест, подволакивая искалеченную ногу. Даже Арей, буйный Арей, чье второе имя Война, бежал без оглядки. Сыновья следовали за ним: Ужас и Страх в ужасе и страхе.

Копье дрожало в руке Афины. Ей хотелось думать, что от ярости.

Она единственная осталась с отцом. И сейчас стгорала со стыда, не имея возможности прийти Зевсу на помощь. Самый великий подвиг, который достался сегодня на долю Афины – смотреть, всего лишь смотреть. Вмешайся она в битву, схватись с Тифоном, желая дать отцу краткую передышку, и Тифон прихлопнул бы Воительницу, даже не заметив этого.

Так человек убивает комара.

В Тифоне действительно было много от человека, а может, от титана или бога. С кем сравнить несравнимое? От бедер и до макушки он походил на обычного мужчину, только выше, много выше самых высоких гор. Тело исполина поросло густым черным волосом, но случилось и такое, что вместо волос росли жесткие орлиные перья. Косматая голова достигала звезд, а руками он, казалось, мог охватить мир от востока до запада. Охватить?! Спеленать, раздавить, пожрать. Каждая ручища имела полсотни пальцев, длинных и мосластых, каждый палец оканчивался головой дракона. Когда драконьи пасти впивались в скалы, прежде чем отправить их в смертоносный полет, кривые зубы крошили гранит как черствую лепешку.

Из рта и ноздрей гиганта вырывалось пламя, родственное пламени молний. Должно быть, в Тифоне развели костер, способный сжечь все, что ни предложи ему в пищу. Небесное оружие гасло, ударяя в мятежника; огонь растворялся в огне, усиливая, а не уничтожая.

Ноги Тифона – две могучие змеи – кольцами опутали утесы Касии, вершину, на которой воздвигся разъяренный великан. Скальные уступы превратились в сплошное шевеление бронзовой чешуи. Впору было поверить, что из бездн Тартара, преступно бросив свой пост, поднялся один из Сторуких¹⁸. Могучий, Гнев или Пашня – кем бы он ни был, царствованию Зевса подходил конец.

Зря, что ли, боги бежали?

Скал Тифону хватало вдосталь. При необходимости он разорвал бы все чрево Геи-Земли, своей матери, чтобы швырнуть его во врага. Громовержец в ответ призывал тучи, беременные молниями, выхватывал из них, покорных воле господина, огненные перуны. Так копейщик на

---

¹⁷ Тифон – чудовищный великан, сын Геи (Земли) и Тартара (Нижнего Неба).

¹⁸ Гекатонхейры – Сторуки, первенцы Урана-Неба и Геи-Земли; Бриарей (Могучий), Гий (Пашня) и Котт (Гнев). Сторожат в Тартаре павших титанов.

колеснице расходует свой запас, швыряя во вражеский строй копьё за копьём. Тучи сыпали искрами, иссякали, развеивались клочьями по ветру.

Ждать новых было неоткуда.

Молний всегда меньше, чем камня, подумала Афина. Позже эта мысль станет преследовать ее, родив множество удивительных последствий. Но сейчас само слово «позже» звучало небылицей, тем, чего не произойдет никогда.

Богиня была права. Произошло то, чего не случалось никогда. Лишен молний, проигрывая сражение, Зевс кинулся в рукопашную.

В руках Громовержца сверкал кривой меч – серп Крона-Временщика¹⁹, которым Зевс в седой древности оскопил своего отца, гнусного пожирателя собственных сыновей. Пав на Тифона, оторопевшего от такой безрассудной смелости, Зевс издал боевой клич и полоснул врага серпом. Фонтан серебряной крови исторгся наружу, забрызгав небо. Способный рассеять бессмертную плоть, серп исправно делал назначенную ему работу. Но Тифон был слишком велик, чтобы одна-единственная рана причинила ему существенный вред, а до второй раны дело не дошло. Змеиные кольца оплели владыку богов и людей, связали, превратили в беспомощнейшее из существ.

– Что теперь? – спросил Тифон. – Что, падаль?

И расхохотался.

Драконы его левой руки вырвали серп у обессилевшего пленника. Драконы правой сжались в многопалый бесформенный кулак. Не переставая смеяться, Тифон с размаху ахнул этим кулаком Громовержца в висок. Голова Зевса дернулась, поникла, глаза закрылись. Блаженное беспомыслие, которое не вожделеет побед и не знает поражений, снизошло на владыку богов и людей.

– Что теперь? – повторил гигант.

Слезы текли по лицу Афины. Впервые в жизни, в долгой и буйной жизни божественной Девы, плакали эти серые глаза. Обвиснув в мертвой хватке Тифона, бесчувственный отец был прекрасен. Он был прекрасен в битве, там, где миру являлась его истинная суть, но сейчас в Зевсе крылась другая истина: хрупкая, болезненная, не уступающая по красоте правде сражения. Смертность, поняла Афина. Смертность, исход, конечность. Ты сделал все, что мог, затем все, что должен, и теперь уступаешь силе, которая превышает тебя. В таком поражении нет позора, нет в нем и поражения.

Общий у смертных Арей, говорят люди, желая подчеркнуть, что военная удача непостоянна, ветреней гулящей девки. Ну что же, общий Арей и у бессмертных. Тот Арей, который сегодня сбежал с поля боя.

Позже Афина забудет эти слезы. А может, не захочет вспоминать, гоня бывшее прочь, стыдясь своих чувств. Одно останется с богиней навеки – тайная влюбленность в смертность, как в некий высший предел. Бог в ее постели? Воображение Афины отказывалось представить такое, содрогаясь от омерзения. Бог? Титан? Чудовище? Кто угодно из ее собственного племени – никогда, ни за что, ни при каких обстоятельствах.

Смертный? Тот, кто любит, ярится, мыслит, сомневается, зная, что всему этому придет конец? Тот, кто живет как Зевс, Арей, Аполлон, зная, что это не так? Битва с Тифоном оставила Афине одну часть великого понимания. До дня, когда богиня найдет вторую часть своей натуры, пройдет немало лет.

Но это случится потом. А сейчас...

– Что теперь?!

---

¹⁹ Серп Крона – оружие из адаманта (др. – греч *αδάμας* – «несокрушимый»). Этим серпом Крон, бог времени, оскопил и лишил власти своего отца Урана. Позднее Зевс, сын Крона, сделал то же самое с Кроном. Позднее серп Крона был вручен Персею, когда тот отправился на запад за головой Медузы.

То, что Афина увидела, едва не лишило богиню рассудка. Действуя кривым мечом, как мясник, разделяющий бычью тушу, Тифон вырезал у пленника сухожилия на руках и ногах. Гигант орудовал серпом ловко и умело, слишком ловко для такой колоссальной туши. Сухожилия, отделенные от тела, Тифон сунул в рот и прикусил зубами, чтобы не выронить. Струны божественной плоти трепетали во рту исполина, дергались, похожие на червей, пойманных для рыбалки. Бессмертное жило, даже разделенное на части, пыталось вернуться обратно, на положенное место. Огонь, вырываясь наружу из Тифоновой пасти, жег сухожилия, местами обугливал, но Зевсовы жилы упрямо восстанавливали первоначальный вид.

Впору было радоваться, что несчастный Громовержец потерял сознание до начала этой пытки.

Когда змееногий Тифон, взвалив Зевса на плечи, двинулся к зеленым водам Памфилийского залива, Афина последовала за ним. Презрение, с каким гигант игнорировал ее присутствие, терзало богиню всю дорогу от Касии до Корикийской пещеры. Добравшись до места, которое он облюбовал под временное жилище, одно из многих, Тифон швырнул искалеченного Зевса в черный зев, затем сунул в пещеру руку и долго шарил, ища что-то. Наконец рука вынырнула обратно: три драконьи головы вцепились зубами в медвежью шкуру. Расстелив шкуру у входа, Тифон завернул в нее свой кровавый трофей и сунул сверток с сухожилиями в другую пещеру, расположенную выше Корикийской. Калека-Зевс не сумел бы туда добраться, даже выползи он наружу, но Тифон не желал рисковать, привалив вход в узилище огромным камнем.

Камень, оценила Афина. Пожалуй, я сумею его убрать.

Наверное, Тифон подслушал ее мысль. Гигант рассмеялся. Подобно мальчишке, свистящему в два пальца, сунул в рот целую дюжину своих драконоглавых пальцев – и оглушительный свист всколыхнул землю. Памфилия закипела от волн, меж пенных бурунов мелькнул острый гребень, венчавший скользкую спину. Вскоре на берег близ пещеры выбралось чудовище с телом дельфина-великана и шеей непомерной длины. Акуля башка чудовища возвышалась над обеими пещерами, доставая до вершины горы.

– Сторожи! – велел Тифон.

Чудовище пронзительно вскрикнуло и вернулось в морскую пучину. Следом за ним ушел в залив и Тифон. Змеи нижних конечностей гиганта ползли по дну, вздымая тучи ила, голова поднималась под водой, словно остров, заросший горелым лесом.

Справлюсь, решила Афина, вспоминая облик ужасного стража. Справлюсь, но не сразу. Понадобится время, а времени у меня нет. Пока мы станем биться, Тифон вернется на шум. Где бы он ни был, он успеет раньше, чем я совладаю с этой дрянью. Богиня представила, как составляет компанию отцу в темноте пещеры, лишенная сухожилий – а может, еще чего-нибудь посущественней! – как ползает во мраке, подобно жалкой мокрице, вспоминая былую мощь и славу...

Она летела прочь от Киликии, боясь обернуться.

Белый конь пасся на склоне горы. Он тоже умел летать над морями. Вероятно, и у него имелись воспоминания, которые жалят большее овода, но Пегас не спешил ими поделиться.

Время и расстояние, вздохнула Афина. Есть расстояния, которые требуют выигрыша во времени. Есть время, которое надо преодолевать как расстояние, шаг за шагом. Если повезет, ты можешь сделать это сама. Или не можешь, и тогда тебе требуется Пегас.

Отец, я что-нибудь придумаю.

Эпизодий второй Судьба расправляет крылья

1

Это не сказка, болван!

- И кто теперь у нас править будет?
- Как – кто?! Отец, конечно!
- Он же базилей, Главк Эфирский.
- А до него базилеем Сизиф был, наш дед.
- И что?
- И то! Отец сел на трон, когда Сизиф умер.
- Верно.
- А теперь дед вернулся. Снова живой!
- Думаешь, он у отца трон отберет?
- Не знаю.
- А мне!.. А мне дедушка такое рассказал!
- Что он тебе рассказал?
- Когда?
- Вчера ночью.
- Ври больше!
- Тебе, небось, приснилось...
- Я вру?! И ничего не приснилось!
- Еще скажи, ты к деду в покои забрался!
- Он, значит, в постели с женой, после Аида согревается...
- И тут ты: дедушка, расскажи сказку!

Мои дураки-братья заржали в голос – точь-в-точь жеребцы при виде кобылы. Знаете, как обидно? Я с ними дедушкиной сказкой хотел поделиться, нес ее, берег, расплескать боялся. А они...

- Это ты, Пирен, дрых и сопел! И вы оба тоже! А я на двор вышел.
- По нужде? Ах-ха-ха!
- Да, по нужде. А там – дедушка. Сидит, на звезды смотрит...
- А ты? Нужду справил?
- Справил, не твоя забота. Я хотел, чтобы он мне про Аид рассказал.
- А он? Рассказал?!
- Нет, про Аид он не захотел. Про другое рассказал. Еще интересней!
- Ладно, считай, поверили.
- Давай, делись!
- А вы не перебивайте!

Мы с братьями шагали по нашей тайной тропе. Начинаясь тропа под стеной крепости. Серые ноздреватые камни нависали над головами. Кладка уходила в далекую голубую высь, словно стена подпирала небо.

Дальше тропа ныряла в пыльные кусты можжевельника. Яркий смолистый аромат висел в воздухе плотным облаком. Казалось, его можно пощупать или лизнуть. Солнце жарило от души, мы давно вспотели.

Вот и можжевельник потел по-своему.

Еще дальше тропа вилась меж скалистых уступов, поросших колючками и пучками жесткой травы, и спускалась прямиком к морю, к укромной бухточке – в стороне от города и порта. Сюда мы бегали играть и купаться, когда у братьев не было занятий. Такое случалось редко: братья упражнялись с мечом и щитом, копьем и луком. Даже на колеснице ездили. Вот это я понимаю! Когда уже и мне разрешат вместе с ними?! Кроме интересных занятий бывали и скучные: счет, письмо, игра на кифаре. К скучным меня уже допустили, не пожалели маленького. Про моря, долины, города, кто где правит, с кем в союзе; кто воюет, кто торгует, чем торгует... Забыл, как это все вместе называется.

Тоска зеленая!

Если подворачивался случай, братья сбегали от учителей. Вот как сегодня – дедушка из Аида вернулся, город гудит, во дворце не до нас... Меня в эту бухту только с весны братья стали. Боялись, что я кому-нибудь проболтаюсь, если мне заветное место показать. Но я за ними подследил! И не проболтался.

Зато сейчас я болтал в три языка! Дедушкину сказку пересказывал.

Зевс, Гера, мятёж. Так увлекся, что чуть с тропы не навернулся вверх тормашками. Руками размахивал, слюной брызгал. Каждый утес был богом, акрополь – Олимпом, а в небе на золотых цепях висела бунтовщица Гера. Она исчезала в ослепительном сиянии, обрывок цепи со звоном и лязгом падал мне под ноги. Я, старый хитрец, подбирал сокровище...

Братья молчали. Слушали.

Не перебивали, что само по себе было чудом.

Вначале они слушали с интересом, но когда я закончил рассказ и взглянул на них – ну как, а?! – то увидел такие мрачные лица, каких сроду не видывал. Пирен отвернулся, уставился на море. Делиад изучал камешки под ногами. Алкимен кусал губы, мрачней ночи.

– Вы чего? – вырвалось у меня. – Здровская же сказка!

– Сказка? – ответил, как плюнул, Алкимен. – Это не сказка, болван!

– Да ладно тебе! Боги, цепь, старый хитрец...

– Старый хитрец, – повторил Алкимен. – Все правда.

– Наш дед стар, – согласился Пирен.

– И хитер, – кивнул Делиад. – Не отнимешь.

– Наш дедушка? Сизиф? Он что, Таната в плен взял?!

Врут, уверился я. Алкимен вечно над всеми подшучивает. Надо мной – в особенности. Алкимен, Пирен с Делиадом... Сговорились, да? Или нет?

– Не ори, дурачина. Еще услышат...

Алкимен с опаской огляделся. Вокруг, кроме нас четверых, не было ни души. Монотонно звенели цикады. Море с мерным шорохом облизывало гальку пенными языками прибоя.

– Я тогда мелкий был, – голос Алкимена звучал глухо, как из колодца. – Как Пирен сейчас.

Слова он выдавливал через силу. Это Алкимен-то, записной трепач! А Пирен на «мелкого» даже не обиделся, не вспух чирьем на заднице. Ну, это уже вообще ни в какие ворота!

– Помню, ночью шум был, звон. И вопль. Глухой такой, задушенный. Насчет вопля не уверен, может, померещилось. Я вроде проснулся, но не до конца. Ну, шум... Мало ли? Решил, что приснилось. Мне тогда через ночь кошмары снились, если сливами объелся. Наутро гляжу – люди по дворцу будто тени ходят. Бледные, немые. Каждого шороха пугаются, глаза как площадки. Слова ни из кого не вытянешь! Занятия отменили, дедовы советники попрятались, слуги по углам хоронятся... Да что такое, думаю?!

– Точно, – подтвердил Делиад. – Так и было.

Не поднимая взгляда, он сосредоточенно пинал камешки носком сандалии.

– А я не помню, – эхом отозвался Пирен. – Совсем малой был...

– День, другой, третий... Слухи поползли. За дедом, сказали, Танат явился – душу в Аид забрать. А дед Таната в цепи заковал и в подвале запер. Челядь теперь в подвал ни ногой, хоть ты режь их! Деда сторонятся: живой, не живой, кто его знает? Все, кроме бабушки Меропы. Она-то титанида, ей все нипочем!

– Ага, бабушка – она такая!

– Месяц в страхе прошел. А там и попустило – ничего ж не происходит, да? Может, сидит бог в подвале на цепи, а может, и нет. Что ж теперь, всю жизнь трястись, не есть, не пить? Из дворца бежать? Из города? Зажили как раньше. В подвал, правда, не совались. Один я, чурбан безмозглый, взял и сунулся.

– Ух ты! Что, правда?!

2

Горшок моего детства

Алкимен судорожно сглотнул. На шее брата дернулся острый кадык. Будто в горле кусок хлеба застрял, еле-еле внутрь протолкнулся. На лбу выступила испарина. От жары, должно быть.

– Правда.

– Ты его видел? Таната?!

– Не ори! – зло зашипел он на меня. – С ума сошел? Такими именами разбрасываться?! Нет, не видел. Я вниз спустился, пару шагов сделал... А там темнота. Даже не темнота – тьма кромешная. Будто весь мир смолой залило, от пяток до макушки. Факел у меня погас, как ветром задудло. Только ветра не было, я точно помню. Тьма была и холод. Я такого холода и не знал никогда. Не снаружи холодно, а *изнутри*. Билось во мне сердце, а стал кусок железа. Мертвый, ледяной. Саму жизнь из тебя выстуживает, до последней капельки... Лязгнуло что-то: глухо так, будто глубоко под землей. Меня как подбросило! В себя только у ворот пришел. Не знал, как там оказался. Больше в подвал – ни ногой! Даже близко не подходил.

– А я и не пытался, – вздохнул Делиад. – На тебя глянул: покойник, и тот краше! Сразу понял: ну его в Тартар, этот подвал!

– А Арей... Арей приходил? Таната выручал? Это тоже правда?!

– Правда.

– Это я уже помню, – отозвался Пирен. – Три года прошло, вырасти успел...

– А ты, небось, нет.

Делиад бросил пинать камешки. Покосился на меня:

– Тебе сколько тогда было? Два? Три?

Я не знал, что ответить. Что я должен был помнить? Не помнить? Уж бога войны я бы точно не забыл, если б увидел!

– Значит, не помнишь.

– Он тоже ночью появился. Эниалий²⁰, в смысле.

– Грохот, лязг!

– Полыхнуло на весь двор!

– Как пожар! Багровым таким, страшным...

– Все попрятались...

– А нас заперли. Сидите тихо, сказали. Не высовывайтесь!

– Кто сказал?

– Отец, кто ж еще?

– Ну, мы и сидели...

---

²⁰ Эниалий – Воинственный; прозвище бога войны Ароя (Ареса).

– Не высовывались. Как велели. У меня после того подвала всякую охоту отбило...

– А я, дурак, выглянул. Не удержался. На ложе встал, до окна дотянулся. Оно высоко было, под потолком.

– Видел его?!

– Мельком. Он уже уходил. Лучше б не видел!

– Какой он?

Делиад ответил не сразу. А мне смутно припомнилось: мы с братьями сидим в темной комнате, все вчетвером. В окошке под потолком – багровые сполохи. Пол под ногами трясется. Мне страшно. Я плачу. Алкимен меня успокаивает. Алкимен?! Ну да. Он вообще хороший, хоть и любит подшутить. Когда надо – чем угодно поделится. И в обиду не даст...

Было? Не было?

Может, это я уже сейчас вообразил? Наслушался братних рассказов – и представил. Или правда вспомнил?

– Огромный. Страшный, – Делиад с трудом подбирал слова. Простые, понятные слова, отчего они били наотмашь, сжимали сердце ледяными пальцами. – С кипарис высотой – тот, что у ворот. Весь как из бронзы. Из-за доспеха, наверное. Шлем с конской гривой. Лица не видел, только спину. Это хорошо, наверное. Он в крови был. Или это свет от него такой шел, кровавый? Не знаю. Шагнул – и исчез.

Он помолчал и добавил:

– Я потом месяц в постель мочился. Закрою глаза, сразу его вижу. И опять, как наяву... Просыпаюсь – постель мокрая. Стыдоба! Ничего не могу с собой поделать. Думал, это навсегда. Нет, прошло. Перестал он мне сниться...

Я поверил без раздумий. Кто ж про себя такое сочинять станет?!

– Хватит!

Алкимен зябко передернул плечами. Встряхнулся, будто мокрое одеяло сбросил:

– Доволен, Гиппоной?

– Да, – серьезно кивнул я.

Со стороны я выглядел потешно. Детская серьезность всегда потешна. Но никто из братьев не засмеялся.

– Теперь молчи, понял? Никому ни слова. И мы об этом больше не говорим. Еще накличем... Всем ясно?

Мы кивнули.

– Раз ясно, – с третьего раза Алкимен сумел выдавить из себя улыбку, – тогда вперед! Море задалось! Кто первый?

И сломя голову припустил вниз по крутой тропе. Мы рванули за ним. Первым по любому окажется Алкимен, это ясно. Но и последним быть не хотелось. Последний – хромой краб и сонная улитка!

А еще черепаха в хитоне.

Говорят, детство заканчивается в один момент. Что-то случается – как правило, что-то плохое – и все. Было детство, и нет, кончилось.

Я с этим не согласен. По крайней мере, у меня было не так. Детство не заканчивается в некий определенный миг. Оно дает трещину. Эту трещину не заделать, она будет шириться, расти, ветвиться. Со временем глиняный горшок расколется окончательно. Ты переступишь через его останки и пойдешь дальше. Подберешь пару черепков, сохранишь на память. Почему нет? Но это будут обломки, не горшок.

В тот день, когда горшок дает первую трещину, это все еще горшок. Да, надтреснутый. Но он сохраняет форму. В нем можно таскать зерно и оливки. Лишь если наполнить его маслом, водой или вином, жидкость начнет по каплям сочиться наружу через трещину.

Горшок моего детства треснул на тропе над морем. В тот день я осознал: все, что я считал далеким, не имеющим ко мне ни малейшего касательства – оно здесь, рядом. Это может случиться в любой момент: со мной, с братьями, с отцом, матерью, дедом...

Более того, оно уже случилось. Какая разница, помню я это сам или узнал из рассказа братьев? Это было на самом деле. Здесь, во дворце, а не на далеком острове или недоступном Олимпе.

Со мной. С моими родными.

Было. Есть. Происходит прямо сейчас, пока я, вопя во все горло и рискуя свернуть себе шею, несусь вниз по каменистой тропе.

Для детства еще оставалось время. Но прежним ему не бывать.

3

Метатель-Убийца

Я плюхнулся спиной на горячую гальку. Выдохнул, переводя дух. Не особо-то я и запыхался на самом деле. Просто все выдохнули, ну и я за компанию. Хотя в чем-то я не хуже братьев! Плавали они хорошо, но и я не отставал. Плавал, нырял, белый камешек находил и со дна доставал, как бы далеко его Делиад ни зашвыривал. Вот такие игры по мне!

– «Лепешечки», а? – Пирен приподнялся на локте. – Запустим?

– Ага! – оживился Делиад.

И зашарил вокруг себя, подыскивая плоский камень.

Море спокойное, ленивое – самое то для «лепешек». Галька Пирена трижды отскочила от водной глади, искрящейся солнечными бликами, прежде чем, грустно булькнув, уйти на дно. У Делиада вышло лучше. Его «лепешка» ринулась прочь от берега, резко щелкая об воду. Звук был, как от кнута в руках лихого возницы.

– ...пять, шесть, семь...

На седьмом я сбился. Просто смотрел.

– Одиннадцать! – с гордостью возвестил Делиад.

Алкимен долго искал подходящую гальку. Потом долго примеривался. Делиада он все равно не обставил: девять прыжков. Алкимен уверял, что двенадцать. Ага, кто ему поверил?

– Давай еще!

Теперь выиграл Алкимен.

– Еще!

– Еще!

– А ты чего сидишь? Бросай!

– Боишься? У тебя и двух раз не проскачет!

Раньше я не бросал «лепешечки». Только смотрел, как сегодня. Прав Алкимен: я боялся опозориться. От Алкименовой правоты сделалось еще обидней. Вскочив, как оводом ужаленный, я схватил первую попавшуюся гальку и запустил по воде.

Они стояли и смотрели. Они раскрыли рты.

– ...восемнадцать, девятнадцать, – завороченно считал Делиад, – двадцать, двадцать один... двадцать девять, тридцать...

Он замолчал. А камень все неся к горизонту, мерно подпрыгивая. Потом исчез. Наверное, пошел ко дну. Ну, я так думаю.

– Ничего себе!

- Дашь, Гиппоной!
- Это случайно!
- Новичкам везет!
- Точно, случайность!
- Повторить сможешь?

Вот тут я испугался по-настоящему. Раньше позор был просто позор, а сейчас, после случайного триумфа – всем позорам позор!

- Давай! – не отставал Алкимен.
- Ну, не знаю...

Я протянул это как можно занудней. Чтоб отстал.

- Давай!
- Давай!
- Да-вай, да-вай!

Они орали хором. Подбадривали не меня – друг друга. Одинокая чайка снялась с морской глади, полетела прочь. Нет, не отстанут. Я поискал плоский камень. Примерился. Камень лягушкой проскакал по воде – четыре неуклюжих прыжка – и с насмешливым бульком пошел ко дну.

- Братья расхохотались:
- Я ж говорил!
- Повезло растяпе...
- Гиппоной – руки за спиной!

Злость. Обида. Не глядя, как в первый раз, я схватил гальку и запустил в полет. Смех смолк, будто отрезало. Рты мои братья больше не раскрывали. Напротив, сжали губы, превратив рты в бледные шрамы. Алкимен, Пирен, Делиад – они следили, как «лепешечка» уносится в искристую даль. Отмеряли скачки: десяток, другой, третий.

Делиад беззвучно считал.

Лица у них были такие... Ну, красивые. Мне нравилось.

Камень исчез из виду. Братья обернулись ко мне:

- Еще!

Мне и самому очень хотелось повторить. Страх опозориться ушел – должно быть, у него имелись важные дела в другом месте. На место страха пришли сомнения. Вдруг у меня через раз получается? Ну и ладно! Если страчу, брошу снова – и получится! Делов-то!

Я присел, нащупал гальку. Далеко в море, у горизонта, маячил силуэт корабля. Торговое судно покидало эфирскую гавань. Везло пузатые пифосы с ячменем и оливками куда-нибудь в Калидон или в Дельфы. Нет, в Калидоне моря нет. Там речка Эвинос, корабль не пройдет, на мель сядет. И в Дельфах моря нет, они вообще на горе стоят. Куда же корабль идет? Точно вам говорю, в Ликию или на Эвбею. Ликийцы за наш ячмень мать родную продадут и теткой доплатят.

Надо же, как эта скукотища в голове засела! Даже и не думал, что запомню.

- Эй, смотри! Корабль не потопи!

Пирен хохотнул, но без уверенности. Казалось, он сам сомневается в сказанном: шутка или нет? Его насмешка толкнула меня под руку. Сорвала, как стрелу с тетивы. Галька вырвалась из пальцев, лихо чиркнула по воде и ринулась напрямик к кораблю! Мы следили за ней, затаив дыхание. Когда «лепешечка» скрылась в золотом мельтешении, мы все равно продолжали вглядываться в бликующую на солнце морскую гладь.

Мне послышался далекий глухой удар, будто камнем по дереву. В борт корабля, ага. Почудилось, точно. А как иначе?

- В нашей бухте завелся злодейский пират! Он топит корабли!
- Циклоп!

- Огромными камнями!
- Хватай циклопа!
- Лови его!
- В воду пирата!
- Утопить!
- Рыбам на корм!

Я испугался. Вдруг братья и правда решили меня утопить? Из зависти! Короче, удирал я от них всерьез. Но Делиад не выдержал первым: зашелся хохотом. Алкимен разразился залихватским гиканьем, Пирен заулюлюкал. И стало ясно, что мои остроумные братцы придумали новую игру: «Поймай и утопи пирата!»

Не то чтобы я мечтал стать пиратом. Но кто меня спрашивал? Хорошо хоть не циклопом: выбьют глаз, ходи потом с одним! Ладно, пират так пират!

- Не поймаете, дурачьё! Все ваши корабли утоплю!

Воля во всю глотку, я запетлял по полосе прибоя. Босые пятки расшвыривали мокрую гальку, поднимали тучи сверкающих брызг. Впрочем, братья меня в конце концов поймали: бегал я хуже, чем плавал. Но когда они попытались закинуть пирата в воду – «Лепешечка! Скачи!...» – я каким-то чудом вывернулся. Выскочил на берег, отбежал повыше, ухватил пригоршню мелкой гальки:

- Я страшный! Я злой! Зашибу!

Галька полетела дождем: капля за каплей.

И ничего у меня не через раз получалось! Очень даже каждый раз! А то и два раза за раз! Щелк! Алкимену в лоб. Шлеп! Делиаду в грудь. Чирк! Пирену по уху. Братья скакали, петляли, падали и откатывались прочь. Но мои руки и глаза, мои камни и моя удача – вся армия великого стратега Гиппоноя точно знала, где окажется в следующий миг намеченная цель. Туда протягивались едва различимые паутинки, огнистые радужные нити – ну, это я так придумал! – и камешки летели вдоль паутинок, словно бусины, нанизанные на прочный шнурок.

- Ах, ты так?!
- Бей пирата!

На меня обрушился ответный град ракушек и гальки. С меткостью у братьев дело обстояло не лучшим образом, но их все-таки было трое. Значит, швыряться они могли втрое чаще, чем я.

- Обходи!
- Пирен, давай справа!
- Окружай!

Теперь меня обстреливали со всех сторон. Я не успевал уворачиваться. Брошенная Делиадом ракушка оцарапала голень. В грудь ударил камешек Алкимена.

- Ты ранен!
- Сдавайся, пират!
- Пираты не сдаются!

Исхитрившись, я проскочил между Пиреном и Делиадом и прыгнул в воду. Брызг поднял – до неба! Солнце играло в брызгах, надо мной выгнулся тугой лук радуги. В последний момент, когда я еще мог что-то видеть, мне почудилось, что радуга не простая – огнистая. Бывают такие перед непогодой: завиваются петлями, ведут незнамо куда из незнамо откуда. А по хребту косматое пламя бежит, будто львиная грива. Кажется, что вот-вот схватишься за один край – и забросит тебя в неведомые земли, где уже ждет героя беда или победа.

Кто знает?

Я не знал, клянусь. И схватиться не успел, ушел вниз, в дрожащую мглу. Нырнул: так глубоко, как только мог. Сверху по воде защелкала галька – мимо! Не достанут! Подхватив со дна крупную ракушку, я вынырнул в стороне от того места, где ухнул в залив.

– Я грозный подводный пират!

Ракушка стукнула Пирена по макушке. Я снова ушел под воду. Нашарил горсть донных камешков. Вынырнул. Бросил. Нырнул. Схватил. Вынырнул. Бросил. Нырнул... Камни братьев вздымали вокруг меня бойкие фонтанчики. Мои летели точно в цель. На дне что-то блеснуло. Я схватил, вынырнул. Разжал кулак. На ладони лежала серебряная фибула: могучий жеребец распластал крылья в полете. Плещет на ветру буйная грива, копыта молотят воздух...

Ух ты!

– Сокровище! Я нашел сокровище!

Бац! – галькой мне по лбу. Делиад не упустил момент.

– Ты убит!

– Ты утонул!

– У меня сокровище!

– Покажи!

Братья прекратили кидаться. Я выбрался на берег. На лбу набухла шишка; я ее не видел, но в том, что шишка есть, не сомневался. Как у теленка, когда у него рожки лезут. Ничего, мы братьев тоже одарили, не поскупились.

– Здравская!

– Серебро, да?

– У нас во дворце таких полно!

– Коней нету!

– Еще и получше есть!

– Все равно здравская!

– Ты почему ею в нас не кинул?

– Жалко стало.

– Фибулу? Или нас?

– Точно, – засмеялся Пирен. – Нас пожалел!

– Разве ты Гиппоной, а? – подхватил Алкимен. – Ты же Беллерофонт²¹!

Я распух от гордости. Метатель-Убийца! В кои-то веки Алкимен меня похвалил!

– Точно!

– Мне в грудь ка-ак засадил!

– А мне по уху...

– Ладно, пошли уже. Дома хватятся, накажут.

Фибулу я прицепил себе на хитон. Всю дорогу обратно я гордился своей находкой, а пуще того – новым почетным прозвищем. И еще немножко после гордился, пока нам не устроили взбучку за побег с занятий.

Беллерофонт. Метатель-Убийца.

Мокрый, счастливый, маленький, я не знал, что прозвище прилипнет ко мне надолго. Надолго? Навсегда, до конца моих дней. Прилипнет, вытеснит имя, станет второй кожей.

Только значение его будет с годами меняться.

---

²¹ «Фонт» (φόντης) – убийца. «Беллер» (βελόνη, βέλος) – метательное оружие (дротик, копье, стрела, иной снаряд). Беллерофонт – «убивающий при помощи метательного оружия». Ср. прозвище Персея – Горгофон, Убийца Горгоны. Есть и другие значения прозвища Беллерофонт, о чем будет сказано позже.

4

Морской еж в хитоне

– Где вас гарпии носят?!

Мы хотели тайком прошмыгнуть на задний двор. Ага, разогнались! Наставник Агафокл упал на нас как орел на ягнят:

– Правитель что, ждать вас должен?!

Алкимен с Делиадом виновато потупились. Знали, хитрецы: лучше казниться напоказ да помалкивать – меньше влетит. Агафокл навис над нами: чистый тебе Громовержец, живое воплощение неотвратимости наказания. И молния при нем – буковый посох, отполированный ладонями до блеска. У меня затряслись поджилки. Братьев Агафокл охаживал посохом без стеснения. Проказничаєте? Вот вам! Сыновья владыки? Вот вам два раза! Наставнику отец лично разрешил лупить детей и в хвост, и в гриву. Кости мои, сказал, а мясо твоё, новое нарастет.

Меня Агафокл еще ни разу не бил. Но все ведь когда-то случается впервые, так? Я поспешил взять пример со старших братьев: уставился в землю и молчал.

Пирен, балбес, не выдержал первым:

– Отец нас ждет?!

– Не хватало еще бацилею Эфиры дожидаться вас, бездельников! – в речах наставника крылось противоречие, но я по малолетству не сообразил, какое. – Бегом переодеваться! Забыли, что за день сегодня?!

Алкимен звонко хлопнул себя по лбу:

– Прости, наставник! Мы мигом!

Братья со всех ног рванули к нашим покоям. Я – за ними.

– За побег я с вас еще спрошу! – неслось нам в спины. – Вот вернетесь...

Подбежав к каменным лоханям для омовения, мы сбросили хитоны.

– Какой сегодня день? – спросил я, плеща на себя водой.

– День моления о приплоде, – загалдели братья.

– Давай, обтирайся!

– Хитон надень почище...

Моления? Значит, будут жертвы. Я вспомнил, как дедушка Сизиф ругался вчера на папу и бабушку Меропу. Стыдил за то, что они ему погребальных жертв не приносили. Его даже из Аида отпустили, чтобы он это дело исправил. Значит, сегодня и дедушке принесут положенные жертвы, чтобы два раза не ездить. И он отправится обратно в царство теней? Я загрустил. Дедушка только-только вернулся! Даже не успел рассказать мне продолжение своей сказки.

И вот уже – назад в Аид?

Дедушка не говорил, как там, в Аиде. Но вряд ли лучше, чем у нас дома. И звезд нету.

Я обтерся некрашеным льняным полотнищем. Забежал к себе, надел любимый хитон: синий как море, с белыми барашками по подолу. Затянул пояс...

– Ну у тебя и вид!

В дверях ухмылялся Алкимен:

– Красавец! На мокрого ежа похож!

Поглядев на мой наряд, он уточнил:

– На морского ежа. Волосы – как колючки. Давай-ка расчесу. Заявишься колючим в храм Гермия-Криофора²² – он от смеха и про жертвы наши забудет!

---

²² Криофор – «несущий барана (ягненка)». Эпитет бога Гермеса (Гермия), как покровителя стад.

Пока Алкимен расчесывал мне волосы костяным гребнем, я думал о предстоящей поездке. В прошлом году меня тоже брали. В позапрошлом... Не помню. Нет, наверное. Или да. Жертвы Гермия у нас каждый год приносят. Чтоб стада плодились. Но ведь Гермий – он не только Кριοфор. Он еще и Психопомп²³, верно? Души мертвых в Аид водит. Точно вам говорю, в этот раз Гермия жертвы и за баранов, и за дедушку принесут. Он, небось, и жертвы, и дедушку прямиком в Аид доставит. Ему что, он туда все время мотается: одна нога здесь, другая там.

Зря меня Алкимен расчесал! Бог на морского ежа глянул бы, за живот от хохота схватился и про дедушку забыл. Дедушка у нас бы остался, погостил...

Хитон я на левом плече старой пряжкой сколол. А на правом – новой, с летучим конем. Думал, заметят, спрашивать будут. Где взял, какая красота, молодец, все такое.

Не заметили.

Я ехал навстречу своей судьбе и не знал этого. Хотя нет, я уже приехал, не покидая дворца. Судьба блестела серебром на моем плече, расправляла крылья для полета. Но и этого я тоже не знал.

Стасим

Память, паника и снова память

Белый конь парил над Киликией.

Что ему здесь приглянулось? Небеса чище, чем в иных краях? Облака пушистей? Ветер ласковей?! На вопросы Пегас не отвечал. Раскинув крылья, он позволил воздуху качать себя в незримой колыбели. Вот конь сместился дальше, к заливу, серебрящемуся на вечерней заре, вот опять вернулся к горам.

Будь он хищником, можно было бы решить, что Пегас высматривает добычу.

Добыча, подумала Афина. Не я ли добыча? Нет, я охотница. Ни на миг мне нельзя забывать, кто здесь ловец, а кто жертва. Слышишь, крылатый? Рано или поздно я тебя достану.

Богиня сидела на камне у входа в Корикийскую пещеру – ту, которая не так давно (по божественным меркам!) служила тюрьмой изувеченному Зевсу. Камень был обломком, жалким наследником неподъемной громады, что в былые времена закрывала пленнику путь к свободе.

Я парила там, вспомнила Афина, следя за Пегасом. Я так крепко сжимала копьё, что пальцы начали болеть. Я боялась, да. Тифона? Сторожевого чудовища? Нет, я боялась, что *он* обманет. Он пообещал, что все сделает, что явится в назначенный срок. Я согласилась – и лишь потом, явившись в Киликию, вспомнила, с кем имею дело.

Поверить Лукавому? Возложить свои надежды на символ непостоянства? Надежды всего Олимпа? Пальцы болели, копьё тяжело с каждым ударом сердца, а мудрость, второе имя Афины, криком кричала: «Дева, ты дура! Набитая дура! Спроси военную стратегию, она скажет тебе то же самое...»

Случилось чудо: он не обманул.

– Радуйся, сестренка! – возвестил Гермий. – Заждалась?
Крылья на его сандалиях весело трепетали.

---

²³ Психопомп – Душеводитель. Еще один эпитет Гермия.

Когда боги, устранившись битвы Зевса с Тифоном, сбежали в Черную Землю²⁴, Гермий удрал первым. Не потому, что был самым быстрым, но потому, что сорвался с места раньше других. Первым он и вернулся, сохранив природную насмешливость. Над собой младший из олимпийцев умел смеяться не хуже, чем над другими.

«Кратчайший путь не всегда самый безопасный, – сказал он Афине, отыскав сестру близ Дельф, в священной оливковой роще. Глаза Гермия блестели парой черных агатов, рот растянулся в улыбке до ушей, но богиня ясно видела: брат смертельно устал. – Коридоры между нашими угодьями и Черной Землей проложены давно. Они исхожены вдоль и поперек, вот мы и решили... Ты уже знаешь, что вся семейка рванула в одном направлении? Как сговорились, а?!»

Афина знала.

«Одно дело, когда ты забегаешь погостить, приносишь подарки и вскоре исчезаешь. И совсем другое, когда ты желаешь здесь поселиться, да еще без разрешения. Безопасность? Тифон покажется милейшим созданием в сравнении с хозяевами Черной Земли, которым ты докучаешь. Вдобавок их воздух... Он творит чудеса. Ты знаешь, что у меня выросла шакалья голова?»

Нет, этого Афина не знала.

«Точно тебе говорю, выросла. Как я ни старался, я не мог вернуть себе прежний облик. Местный божественный шакал²⁵ был согласен взять меня в услужение, даже подарил метлу. Представляешь, метла? Гермий, сын Зевса, подметает царство мертвых, и так до скончания времен! Я взял метлу, поблагодарил и смылся в тот же день. Тебе не нужна метла? Сменяю на копье, с доплатой...»

От метлы Афина отказалась. Она предложила Гермию иную сделку. Брат долго размышлял: ходил туда-сюда, грыз ногти. Богиня следила за ним, пытаясь уловить кислый аромат коварства. В семье Гермия прозвали Лукавым, и было за что. Малыш по праву считался хитрейшим из богов – так же, как на земле хитрейшим из смертных считался его дядя²⁶ Сизиф, правитель Эфиры.

«Хорошо, – кивнул Гермий. – Сделаем. Жди меня в Киликии. Имей в виду, я приду не один...»

И скрылся раньше, чем Афина успела спросить, кого приведет Лукавый.

– Боишься, сестренка?

– Боюсь, – хмуро бросила Афина.

– Это правильно, – согласился Гермий. – Я бы сказал, мудро. Но кто я такой, чтобы говорить с тобой о мудрости?

Даже в воздухе малыш находился в постоянном движении: кружился, подпрыгивал, пританцовывал. Богиня не знала, в чем тут дело: в крылатых сандалиях или в характере Гермия.

– Бойся, не стесняйся. Я тоже боюсь. Страх, если уметь с ним ладить, помогает избежать опрометчивых поступков. Вот я сбежал в Черную Землю и теперь жалею. А почему? Потому что сбежал, не подумав, а главное, не успев поладить с моим страхом. Ты знаешь, что у Колесателя Земли там выросла морда крокодила? Да-да, и хвост...

– Такой? – Афина указала вниз.

Залив бороздил острый гребень. Время от времени сторожевое чудовище било хвостом, поднимая вокруг себя высокие волны, и вздымало над водой ужасную голову.

Гермий присмотрелся:

---

²⁴ Египет.

²⁵ Инпу (греки звали его Анубисом) – египетский бог погребальных ритуалов и страж весов в царстве мертвых, имел облик шакала или человека с головой шакала.

²⁶ Майя, дочь Атланта и мать Гермия, была сестрой Меропы, жены Сизифа. Муж тети считается дядей.

– Нет, наш был привлекательней. И что, оно никуда не уплывает?
– Нет.
– На охоту?
– Нет.
– Ради случки?
– Нет.
– А что отец?
– Стонет. Слышишь?
– Это он? Я думал, ветер.
– Это он.
– Сухожилия не отросли?
– Нет. Пока они спрятаны в верхней пещере, они живут. Они как бы есть, значит, они есть у Зевса, просто неподалеку. Не отрастут, не надейся.
– Что, уже и спросить нельзя?
– Ты прилетел сюда спрашивать?
– Не справимся, – сменил Гермий тему. Он не отрывал взгляда от жуткого стража. Змеи, обвивавшие его жезл, шипели и прятались друг за дружку. – Или справимся, но придется повозиться. А тут Тифон: «Радуйтесь, друзья мои! Папу навестить решили? Я ценю родственные чувства, пещер на всех хватит...»

Афина прокляла мгновение слабости, когда обратилась к Лукавому за помощью.

– Уходим? – со злостью выдохнула она. – Улетаем?
– Приходим. Насчет прилетаем – это вряд ли, мой маленький не из летунов. А на своих двоих – это он запросто. Цок-цок, копытца, стадию за стадией...
– Твой маленький? Копытца?!
– Смотри сюда. Видишь?

К пещере подошел козел. Нет, не козел – сатир. Он был крупнее сатиров, знакомых Афине, даже крупнее флейтиста Марсия²⁷, проклятого разгневанной богиней, а уж Марсий отличался завидными размерами.

– Мой сын Пан, – представил сатира Гермий. – Сошлись мы как-то с одной бойкой нимфочкой... Когда все закончится, я представлю его Семье. Не беспокойся, Олимп ему без надобности, дворец не потребует. Маленькому засранцу и в лесах хорошо, там он сам себе царь. Правда, мы с ним похожи? Вылитый я, одно лицо. Рога, опять же. Хотел бы я знать, в кого у него все остальное, кроме лица...

Окрестности Корикийской пещеры – скверное место для шуток. Боль за отца, изувеченного Тифоном, мало способствует смеху. Тем не менее, Афине стоило большого труда не расхохотаться. Присмотревшись, она увидела, что сатир – мальчик, совсем дитя, недавно из колыбели. Она и раньше видела детей с рогами и копытами. Но ребенок с бородой ей встретился впервые. Все остальные атрибуты взрослости, включая могучий, вовсе не детский фаллос, болтавшийся у милого крошки между косматыми ногами, Афины не смутили. Внешность обманчива, кому как не богине знать об этом? Она видывала исполинов, чья голова путалась в облаках на второй день после рождения. Если молокосос Гермий в свое время сумел сбежать из колыбели и украсть стадо коров, принадлежащее скорому на обиду и расправу Аполлону, то потомство Лукавого было достойно отцовской славы.

– А сейчас, моя героическая сестренка, заткни уши и приготовься.

Подавая пример, Лукавый вложил себе в уши затычки из воска. Вторую пару он протянул сестре.

---

²⁷ Марсий – сатир, подобравший флейту, выброшенную Афиной. Во время игры у Афины потешно раздувались щеки, что возмутило богиню.

– Не хочешь? – спросил он, показывая, что ответа Афины все равно не услышит. – Ну, как хочешь. Только потом не жалуйся. Сорвешь нам всю затею...

Пан встал на краю обрыва. Морское чудовище сатиром не интересовалось – не испытывало голода. А может, подозревало, что шустрая козлятина сбежит раньше, чем акулья пасть взлетит вверх на длинной шее. Какое-то время сын Гермия жевал вывороченными губами, размышляя о чем-то. Казалось, он в свою очередь тоже не прочь сожрать Тифонова стража, да не знает, с какой части начать. Изумлена таким странным ходом собственных мыслей, Афина мотнула головой, стряхивая наваждение – и пропустила тот момент, когда в Пановых руках объявилась раковина.

Белей молока, с густыми тенями, которые лежали между завитками, как звери в засаде, она сама по себе была чудом. Было решительно невозможно понять, в какую сторону завивается эта прекрасная раковина. Направление все время менялось, даже если случайный зритель не отводил взгляда от хрупкой лгуны.

Пан поднес раковину ко рту. Щеки сатира раздулись.

Звука не было. Вернее, Афина не рискнула бы назвать *это* звуком. Страх вырвался из раковины, ядовитый страх, с которым нельзя поладить. Он превратился в ужас, ужас – в панику. Богиня зажала уши ладонями, жалея, что отказалась от затычек. Хотелось бежать, лететь, мчаться стрелой – куда угодно, не размышляя, лишь бы подальше отсюда. Остаться на месте стоило титанических усилий. Лишь любовь к отцу да боязнь стать предметом насмешек Лукавого удержали Афины. Две силы, каким нет равных – любовь и гордость – и вот Афина стоит в небесах, прямая как копьё, стоит и чувствует, как дрожат ее несокрушимые колени.

У Тифонова стража не нашлось ни гордости, ни любви.

Залив вскипел, словно на дне развели костер. Со стремительностью, какой никто не ожидал, морское чудовище ринулось на юго-восток, обдирая бока о скалы, сужавшиеся в месте выхода из залива в море. Дальше, дальше, рассекая гребнем волны, судорожно работая хвостом, выскакивая из воды в тщетной надежде взлететь, опереться на предательский воздух – и снова плюхаясь обратно, вздымая фонтаны сверкающих брызг, уходя на глубину всей массивной тушей...

Пан опустил раковину.

– Это ненадолго! – закричал он хриплым, совсем не детским голосом. Скорее это было похоже на призывное меканье горного козла. – Оно скоро вернется. Поторопитесь!

Уши Афины были зажаты ладонями. Но вопль сатира проник в ее сознание с поразительной легкостью – не звук, но смысл. Похоже, с Гермием произошло то же самое. Торопясь, Лукавый освободил свои уши от затычек, швырнул воск в камень, загораживающий вход в пещеру.

Богиня вздрогнула. Он что, надеется таким образом расколоть валун? Малыш сошел с ума...

– Твоя очередь, сестренка!

Жезл Гермия указывал на камень. Змеи оглушительно шипели. Можно представить, каких трудов стоило им не поддаться панике, не сбежать с жезла. Лишь сейчас, отходя от потрясения, Афина сообразила, что восковыми затычками Гермий подсказывал ей, что надо делать. Камень, да, камень. Шевелись, недотыкомка, времени мало, каждый миг на счету...

Левой рукой показав Пану, чтобы убирался от пещеры, Афина взмахнула копьем. К счастью, юный сатир и впрямь оказался шустрым – топоча копытами, цепляясь за кустарник, он взлетел по скале, укрылся в расщелине.

Понадобилось три броска, три сокрушительных броска, выпивших из богини все соки, прежде чем камень раскололся. Не хотелось думать, какой грохот стоит сейчас в пещере, узилище Зевса, и какой головной болью платит за освобождение искалеченный отец. Наверное, легче сидеть в раковине Пана, когда рогатый сын Гермия дудит в нее, распугивая все вокруг.

Еще пять ударов копья потребовались Афине, вихрем спустившейся к обломкам, чтобы расчистить путь.

– Ты вынесешь отца? – крикнул Гермий. – Помощь нужна?

– Верхняя пещера! – в ответ закричала Афина. – Там отцовы жилы!

Уничтожь Тифон сухожилия Зевса, преврати в пепел – и владыка богов давно отрастил бы новые, покинув свою темницу без чужого участия. Но гигант был велик не только ростом и силой. Соображал Тифон не хуже самых хитрых бестий от Киликии до островов Заката. Знал, что делает и зачем. Пока бессмертные части Зевсовой плоти продолжали жить, спрятанные во тьме, тело Зевса ждало их возвращения, отказываясь восстанавливаться заново.

– Сверток из медвежьей шкуры...

Дважды объяснять не пришлось. Крылья на сандалиях пришли в стремительное движение, Гермий описал крутую дугу и буквально ворвался в указанную пещеру. Найдет, уверилась Афина. Если надо что-то выкрасть, никого лучше этого пройдохи не сыскать.

Если же надо кого-то нести...

Кого-то?!

Отца. Зевса Олимпийца. Беспомощного калеку.

Она летела прочь от Киликии, неся отца на руках. Так мать несет к лекарю больного ребенка. Это был подвиг, достойный того, чтобы его не воспел ни один сказитель Ойкумены, справедливо опасаясь гнева обоих: Зевса и его воинственной дочери. С каждой стадией отец становился тяжелее. Вскоре он весил как гора Пелион, затем как две горы, если Пелион взгромоздить на Оссу и оторвать от земли. Не могу, хрипела Афина. Должна. Нет. Да.

Мудрость советовала: брось! Военная стратегия взвешивала за и против.

Афина пожелала обоим сдохнуть.

Сзади, запыхавшись впервые в жизни, летел Гермий. Предлагал остановиться, спуститься на землю, позволить вырванным сухожилиям прирасти на прежние места. Уверял, что тогда Зевс дальше полетит сам, что Афина сможет позволить себе отдохнуть...

Она не слышала. Затычки в ушах, да.

Несла, спасала.

Что случится потом? О, множество удивительных событий! Побег завершится удачей. Жилы вернутся на место. Измученный Зевс забудется сном в безопасной тиши Олимпа. Что дальше? Мятеж, поднятый Герой против Зевса, женой против мужа. Поддержка мятежницы Семей. Всей Семей, кроме Афины, которая изнывала мучительную усталость далеко от Олимпа. Гермий? Вслух Лукавый согласится с предложением мятежницы. Но младший сын владыки богов покинет Олимп раньше, чем туда явится Сторукий – сила, прозванная Бриареем; явится и встанет несокрушимой стеной между Зевсом и бунтовщиками. Нет, что вы! Гермий исчезнет даже раньше, когда Семья еще только понесет золотую цепь в опочивальню Зевса.

Крылатые сандалии легки на подъем. Раз, и тебя уже нет.

Белый конь парил над Киликией.

Добыча, думала Афина. Ловец. Все мы сегодня добыча, завтра – ловец, и снова добыча. Надо помнить об этом, если рассчитываешь жить вечно или хотя бы дольше, чем того хотят окружающие.

Не так ли, Пегас?

Эписодий третий Имя и ненависть

1

Бурный поток

Я оглянулся.

Позади нас ехали еще три колесницы с возничими и моими братьями. Следом тащилась повозка со всем, что нужно для жертвоприношения. Амфоры с вином, ячменная мука, мед, священные ритоны²⁸. И, разумеется, три черных барашка с позолоченными рогами.

Мы с отцом ехали первыми! Впереди братьев, амфор, баранов. Папа правил лошадьми, а я держался за борт и глазел по сторонам. Ездить на колеснице я обожал. Жаль, нечасто доводилось. Ничего, подрасту, буду сам лошадьми править! И ездить, сколько захочу.

Ну, когда других занятий нет. А то посохом огреют.

Дедушка остался во дворце. Я помнил, как отец сказал ему: «Не к лицу тебе, Сизиф, сын Эола, приносить погребальные жертвы самому себе!» Дедушка согласился. Даже присматривать за нами, остолопами, не стал, как грозился. Решил, что папа справится. И правильно! У меня самый лучший папа!

Главк Эфирский с чем угодно справится. С войной, с миром, с конями. Вон как лошади у него идут: ровно и в охотку. Ни погонять, ни придерживать не надо. Зря, что ли, папу «Лошадником» прозвали? Папу прозвали, а меня так прямо и назвали при рождении: Лошадник²⁹. Наши кони – лучшие! Папа все колесничные состязания выиграл, отсюда до Спарты. Вот вырасту – и тоже буду выигрывать!

Ай!

Колесницу тряхнуло на ухабе. Я удержался, не упал, только язык прикусил. Лошади у нас замечательные, а дороги – не очень. Морщась, я погладил свою новую фибулу с крылатым конем. Такого в колесницу не запряжешь. Это у Солнечного Гелиоса колесница волшебная, потому что он – бог. В такой можно и по небу летать. А в обычной не очень-то летаешь, даже в самой лучшей. Перевернется вверх колесами, грохнешься на землю.

Как же на крылатом коне ездить?

– Папа, а на лошадях по-другому ездить можно?

Отец усмехнулся:

– По-другому? Быстрее, что ли?

– Ну, не на колеснице.

– Тебе на колеснице не нравится?

– Нравится! Очень! Просто интересно.

В Лехейской гавани, что по левую руку от нас, было тесно от торговых кораблей. Они толклись там, как чужеземцы, прибывшие на них, толкнутся на рынке – том, что выше над портом. Приезжие звали наш город не Эфирой, а Коринфом. Местные торговцы с них за это три шкуры драли. Но приезжие все равно говорили: «Коринф».

Вот дураки!

Колесница Гелиоса катилась к закату. Золото вокруг нее, как и вчера, мешалось с пурпуром. Сегодня пурпур выглядел тревожно. Он больше напоминал пламя пожара, чем дедушкин

---

²⁸ Ритон – священный сосуд для возлияний богам.

²⁹ Гиппоной – «Понимающий лошадей», «Лошадник».

любимый хитон. От солнца по морю протянулась огненная дорожка: надвое рассекла гавань, уперлась в стоящие у причала корабли.

Того и гляди, загорятся!

От блеска и мельтешения у меня перед глазами поплыли радужные круги. Я поскорее отвернулся. Вторую нашу гавань, Кенхрейскую, что по другую сторону Истма³⁰, отсюда видно не было. Ее заслоняли скалы, каменные чудовища с клочковатой шерстью – зарослями каллистемона и олеандра.

– Можно и без колесницы, – я уж думал, папа не ответит. – Как фракийцы. Еще куреты...

– А как они ездят?

– Верхом. На спине у лошади.

Я уставился на спины коней, гнедого и вороного. В косых лучах солнца их шкуры лоснились, играли масляными бликами, когда под ними перекачивались тугие мускулы. Посередине спины у обоих коней имелись небольшие прогибы.

Я указал на них отцу:

– Вон туда надо садиться?

– Верно. Соображаешь!

Папа подмигнул с одобрением:

– Шкуру набрось или попону, а потом садись. Иначе конский пот ноги до костей разъест. Только имей в виду: удержаться у коня на спине – дело непростое. Раз, и свалился³¹. Колесница удобнее: и для поездок, и для войны, и для состязаний.

– Но фракийцы ж ездят?

– Ездят.

– А я могу попробовать?!

Отец смерил меня взглядом:

– Лучше не надо. Мал ты еще, Гиппоной.

Он задумался, что-то прикидывая.

– На следующий год попробуешь. Если не передумаешь.

Всего лишь год!

Целый год...

– Я? Передумаю? Ни за что!

– Значит, договорились.

– А на колеснице когда можно будет?

– Да хоть сейчас! Держи.

Отец протянул мне вожжи, подвинулся, уступая место. Не веря своему счастью, я что было сил уцепился за крепкие кожаные ремни. Держать равновесие и одновременно править упряжкой оказалось не так-то просто. Отец стоял рядом, готов в любой миг прийти на помощь, но пока не вмешивался. Помню, он любил повторять: «Каждый должен сам набить свои шишки».

Колесницу качнуло. Я невольно натянул вожжи, ловя опору – и кони сбавили шаг. Я хотел хлестнуть их вожжами по спинам, как это делал папа. Не больно, просто чтобы шли быстрее. Хлестнуть не получилось, но лошади оказались умные: сами выровняли шаг, пошли как прежде. И в поворот вписались! Я только чуть-чуть потянул, а они уже повернули.

Получается! Я – возникший!

Мне и в голову не пришло, что коням просто некуда деваться с дороги. Вот они и шли себе, цокали копытами: правь ими, не правь...

За поворотом отец забрал у меня вожжи.

---

³⁰ Истмийский, он же Коринфский перешеек соединяет полуостров Пелопоннес с материковой частью Греции.

³¹ Стремян тогда еще не знали.

– Понравилось?

– Ага! Еще как!

Я покосился на свою новенькую фибулу. На спине, значит? *Верхом?*

– Пап, а кони с крыльями взаправду бывают?

– С крыльями?

– Ага! Вот такие.

Я повернулся боком, чтобы ему хорошо было видно мою находку. Ткнул в нее пальцем. Запоздало пришел испуг. Вдруг папа заберет фибулу?! Он Эфирой правит, тут все его. Если ты что нашел, надо бацилею отдать, да? А я не отдал, присвоил...

Отец коснулся серебряного коня пальцем. Отвел руку. Ф-фух, не забрал! Ну да, я же его сын. Мне, наверное, можно находить и не отдавать. И братьям тоже можно. А остальным нельзя.

– Это Пегас, – сказал Главк Эфирский. – Бурный Поток³².

– Пегас? Это его имя?

– Да.

Точно, Пегас! Я ж про него слышал! Просто не подумал как-то.

– И он летать умеет?

– Умеет.

– Ух ты! Это какая ж кобыла такого родила?

– Кобыла? Нет, малыш, Пегаса не кобыла родила.

– А кто?!

Отец сделался серьезным. Только что улыбался, мной гордился, и вдруг как отрезало. Лицо каменное, желваки на скулах. Воин перед боем; Главк-Лошадник, сын Сизифа.

– Пегаса родила Горгона. Младшая из Горгон – Медуза.

Я ахнул. Прикусил язык, хотя нас не трясло. Ничего себе! Про Медузу Горгону я знал. А кто не знал? Она людей взглядом в камень превращала. Глазищи – смерть. На голове змеи кублом: шипят, кусаются. Ее герой Персей убил – в тот год, когда я родился.

И это она родила красавца Пегаса?!

Хотелось спросить у отца, как такое могло случиться, но я нутром почуял: лучше помалкивать. Сейчас – так точно. Может, лучше эту фибулу выбросить? Ну его в Тартар, этого Пегаса, раз у него такая мама!

Я поднял руку, собираясь отколоть застешку с хитона. Опустил. Снова поднял. На руку словно Медуза поглядела: каменная, тяжелая. Пальцы не слушаются, промахиваются мимо фибулы. Ничего, справлюсь.

И все-таки я ее не выбросил.

2

«О малом молю тебя, бог! И о большом молю...»

Храм я помнил с прошлого года.

Правда, тогда он казался мне больше. Усох, что ли, за это время? Портик с колоннами, три мраморные ступени ведут ко входу. Внутри горели факелы. Пламя трепал ветер, задувая снаружи, по храму метались тени. Из-за этого казалось: деревянная статуя Гермия с барашком

---

³² Одно из значений имени Пегас – «бурный поток». Также имя связывают с прозвищем хурритского бога грозы Хешуба – «Сияющий» (*pihaššašiš*).

на плечах вот-вот оживет. Гляди, шевелится! Сейчас бог шагнет из храма на двор, сбросит барашка на свой алтарь...

Что будет дальше?

Я не знал. Понимал: никто к нам не выйдет. Движение в сумраке – игра теней. Статуя неживая. Я подходил к ней, когда было еще светло. Краска, дерево, трещинки... Все я понимал. Но глядя на статую в колеблющихся тенях и бликах, я испытывал сладкий ужас и предвкушение.

Вдруг оживет?! Выйдет, а?

Закатный Гелиос – багровый, распухший, усталый – наполовину скрылся за морем на западе. Жертвы Носителю Ягнят наша семья всегда приносила на вечерней заре. Почему? Не знаю. Не интересовался. Положено – и все тут. Кем положено? Самим Гермием? Жрецами? Дедушкой Сизифом?

Какая разница?!

На широком каменном алтаре, воздвигнутом перед храмом, горел костер. В огонь положили жир, срезанный с заколотых и освежаванных барашков. Жир шипел, пузырился, горел. От костра пахло так вкусно, что я сглотнул слюну. В животе бурчало; к счастью, не очень громко. Это у меня негромко, а у Алкимена – так, что мы хихикали украдкой.

Скорей бы ужин!

Дородный жрец нараспев взывал к Гермию. Ветер трепал просторную белую хламиду. Голос у жреца был высокий, звонкий – небось, за десять стадий эхо несло. Такого бог точно услышит, даже если спит!

– Прими эту жертву от славного мужа Главка, сына Сизифа, внука Эола! Тот, кто правит в Эфире, молит тебя о благоденствии стад!

Жрец плеснул в огонь из серебряного ритона. Я знал, что налито в священный кубок: смесь вина с медом и ячменной мукой. Пламя зашипело, но не погасло. Мгновение, другое, и оно, наоборот, вспыхнуло ярче. Выбросило сноп искр, потянулось ввысь, к быстро темнеющему небу.

– Носитель Ягнят слышит тебя, Главк, сын Сизифа. Вознеси богу свои мольбы.

Жрец подвинулся, уступая место. Папа шагнул к костру.

– Я, Главк из Эфиры, взываю к тебе, Кристофор, стад покровитель! Услышь же меня, будь милостив к нам! Приношу тебе жертву с великим почтеньем. О малом молю тебя, бог! И о большом молю, вознося упования...

Голос у папы зычный, низкий. Совсем не такой, как у жреца. Он тоже говорил нараспев, да так складно, что я заслушался.

– Прошу тебя, Благодетельный³³, о приплоде обильном. Также умоляю, чтобы смягчил ты сердце Громовержца, твоего великого отца! Не одним же баранам с овцами плодиться? Дом мой, меня и супругу мою Эвримеду милостью той же не оставь!

Отец опустился на колени, склонил голову. Мы с братьями последовали его примеру. Жрец еще раз плеснул в огонь из ритона.

Молчание. Тишина. Треск пламени на алтаре.

Даже в животе у Алкимена бурчать перестало. А меня как молнией ударило: папа ведь не ягнят у Гермия просил! Верней, не только ягнят. Он его о детях просил, клянусь! Для себя и для мамы. Зачем? У папы с мамой уже есть дети. Им что, мало нас четверых?

Обидно, честное слово!

– Жертва принята! Моления о благоденствии стад услышаны! Прочие моления не услышаны. Воля Отца Богов остается неизменной.

---

³³ Эриуний – Благодетельный, один из эпитетов бога Гермеса (Гермия).

Откуда жрец знает? Принята жертва, не принята? Что Гермий услышал, что нет? Наверное, жрецу какой-то знак был, который только ему видеть положено. Или слышать. Может, ему сам Гермий прямо в ухо шепнул? Только при чем тут Отец Богов? Его воля? Зевс что, не хочет, чтоб у папы с мамой были еще дети, кроме нас? Папа с мамой хотят, а Зевс ни в какую?!

Догорал костер на алтаре. Стих ветер. Тени в храме перестали метаться, улеглись на свои места, будто псы после выволочки. Статуя бога утратила всякое подобие жизни. Я покосился на братьев. Пирен, Делиад, Алкимен – они понуро уставились в землю, будто провинились в чем-то. Они что, и раньше знали?! О чем папа Гермия просить будет, да? На самом деле?

Знали, что бог откажет?!

Папа каждый год просит Гермия об этом, понял я. Заступись за меня! Перед Зевсом, твоим отцом! Папа просит, а Гермий заступаться не хочет. Или заступает, просто Зевс его не слушает. В прошлом году то же самое было, только я маленький был, глупый. Братья старшие, они раньше догадались. Поэтому у них лица кислые. Им папу жалко, а помочь ничем не могут.

Чем тут поможешь, если даже у бога не выходит?

Папа, должно быть, Зевса прогневил. Нет, если бы прогневил, Зевс его молнией шарахнул бы! Или у папы с мамой вообще детей бы не было. Я про такое сто раз слышал! Но у папы с мамой есть мы. Так чего же они хотят, о чем просят?!

Я стал про все это думать и еще больше запутался. Хорошо, что нас позвали ужинать. Баранина уже поджарилась, не для бога – для нас. Измазавшись мясным соком, я снова вспомнил про жертвы. Папа просил о ягнятах. О детях. И ни словом не обмолвился о дедушке Сизифе. Поминальные жертвы? О них Главк Эфирский забыл.

Ну и хорошо, что забыл. Значит, дедушка пока с нами останется!

3

Остров и радуга

На ночлег нас разместили в приюте для паломников, рядом с храмом. Там уже расположились какие-то люди, но жрец их оттуда выгнал. Жрец выгнал, а папины воины помогли. Когда Пирен об этом сказал вслух, папа его поправил:

– Надо говорить: попросил удалиться. Запомнил?

Удалиться – это уйти куда подальше, верно? А люди эти никуда не ушли. Улеглись тут же, под навесом, позади приюта.

Так что, наверное, мы их все-таки выгнали.

Ну и что с того? Папа – басилей! Тут все его. Как скажет, так и будет! Или вы хотели, чтобы правитель с сыновьями под навесом ночевал, а эти – в доме? Ха! Ничего, ночи сейчас теплые, а у них одеяла есть. Не замерзнут. Навес, опять же, если дождь.

На небе проступили первые звезды. Серебрился бледный лик луны. Богиня Селена сегодня выглядела печальной. Неужели из-за того, что папе не удалось вымолить новых детей? Вряд ли. Ей-то какое дело?

Приют был бедный: две комнаты с голыми стенами. Очаг в углу, деревянные лежанки на полу. Все. Это вам не дворец!

Ничего, нам только переночевать. И утром – обратно. Воины устроились у дверей: нас охранять. Я растянулся на жесткой лежанке, завернулся в одеяло, которое привез с собой – и сам не заметил, как провалился в сон.

Со мной так бывает. Раз – и я уже сплю.

Приснился мне великан. Огромный – до неба! В боевом доспехе. Я сперва решил, что это Арей, бог войны. Он тоже большой, в доспехе. Помню, как Делиад про него рассказывал. Только этот великан был совсем не страшный. Арей, знаю, всегда с мечом. У великана тоже был меч. Здоровенный меч из чистого золота, широкий как лопата. Меч был сумасшедший.

Он все время превращался в лук, потом обратно в меч, а я сомневался: Арей, не Арей? Еще Делиад говорил, что Арей весь в крови. Ну, в сиянии, которое кровь.

А этот – нет.

Сначала великан просто стоял на берегу острова – я знал, знал, что это остров! – и вглядывался в туман. Туман двигался как живой, тек, клубился. Из него возникало всякое. Вот дракон объявился. Пасть разинул, гребень встопорщил, крылья растопырил – сейчас взлетит! Нет, не взлетел. Растекся грязной мглой. Вот вместо дракона – бык. Бык стал львом, лев – трехголовым чудищем, чудище – женщиной! Ужас какая красавица. На голове вместо волос – змеи. Шевелятся, шипят.

Медуза Горгона! Сейчас как глянет!..

Великан спокойно смотрел на туманную Медузу. Он совсем не боялся. Тогда я решил, что тоже буду храбрецом, пусть я и не великан. Настоящая Горгона кого угодно в камень превратила бы – большой ты или маленький, без разницы. Только настоящую Персей давно убил. А эта – из тумана. Чего ее бояться?

Издалека пришел звук. Из такого далека, что я и представить не мог. Стон? Скрежет? Зов? Не разобрать. Да и был ли он?

Великан насторожился. Приложил ко лбу исполинскую ладонь, вгляделся в мгlistую даль. Туман задрожал, будто его бил озноб. От страха, что ли? В небе возник белый крылатый конь. Не из тумана – настоящий.

Пегас!

Но Пегас сразу исчез. Вместо него из-за горизонта к острову начала прорастать огненная радуга. Она росла быстро, спешила к нам с великаном, но мне казалось, что медленно. Не быстрее человека, идущего шагом.

Радуга полыхнула красным золотом...

4

Зато мы все увидим!

В приюте было темно. Только в щель у края неплотно прикрытой двери вонзился узкий серебряный кинжал: лунный свет. Все спали. Пирен сопел, папа храпел. У меня слипались глаза, я начал вновь проваливаться в сон – и услышал звук.

Он догнал меня, пришел с острова в приют.

Большое полотнище хлопнуло на ветру. Очень большое полотнище. Парус? Вряд ли. Гавань неподалеку, но паруса на ночь спускают, прячут. Это я точно знал.

Приплыл новый корабль? Из Афин? С Кипра?

Посреди ночи?!

Спать расхотелось. Какой сон, если я не знаю, что там хлопает? Вывернувшись из одеяла, я голышом, как был, стараясь никого не разбудить, пробрался к двери. На лежанках смутно угадывались очертания спящих братьев. Вход охраняли двое возничих: крепкие парни, кулачищи с мою голову. Один крепкий парень сидя привалился к стене, другой растянулся вдоль порога. О, вне сомнений, мы были в полной безопасности!

Храпела стража громче папиного.

А почему бы им не спать? Тут наши владения кругом. Кто пошлину за все берет? Папа берет, а до него – дедушка. И за проезд по дорогам, и за вбллок кораблей. Во дворце мы, в приюте – без разницы. Еще и храм рядом, Гермий заступится, если что. Кто посмеет на нас напасть? Я осторожно переступил через возницу, загородившего мне дорогу. Пришлось постараться: тот еще кабан, моего шага едва хватило.

Чуть не упал!

Снаружи хлопало, не переставая. Громче и громче. Ближе, что ли? Почему никто не просыпается? С другой стороны, это хорошо. Сейчас выйду и все узнаю! А вы дрыхните, лежебоки!

Пару мгновений я, стоя на высоком пороге, пытался поймать равновесие. Тело спросонья слушалось плохо. Качнувшись вперед, я всем весом навалился на дверь – и она открылась, противно заскрипев. Я вывалился наружу, едва устояв на ногах.

Сейчас точно всех перебуду!

Оглядываться я не стал. До того ли? Хлопанье висело надо мной, прямо в небе, манило, звало. Задрал голову, я увидел, как гаснут звезды над Истмом. Их поедала какая-то жадная, невероятно прожорливая тень. Нет, вовсе не поедала – закрывала собой! Кто-то летел в небесах, большой и крылатый. Я даже различил очертания мерно машущих крыльев.

...крылья?

Пегас! Это летит Пегас! Кто ж еще? Моя фибула – волшебная! Она Пегаса приманивает. Конь ее учуял – и теперь летит ко мне. Ох, и громадина! Как такому на спину взобраться? Ничего, приземлится – что-нибудь придумаю!

Тень росла, приближалась. Крылья в вышине уже не хлопали – громыхали. Поднялся ветер. Он налетал порывами, с каждым взмахом делаясь сильнее. Я пытался рассмотреть Пегаса, но тень путала, морочила, казалась бесформенной, совсем непохожей на коня. Наконец богиня Селена сжалась надо мной и окатила летучее существо с ног до головы из ведра, где плескалось лунное молоко.

Мамочки!

С ног, да? До головы, да?!

У чудовища было две головы: львиная и козья. Длинный, извивающийся, покрытый блестящей чешуей хвост имел свою собственную третью голову – змеиную. А конская? Конская, я вас спрашиваю, где? Мускулистое туловище густо заросло шерстью, короткой и плотной, похожей на кабанью щетину. На первый взгляд оно выглядело звериным, но какой это был зверь? Лев? Коза? Дракон?! Точно не конь. И еще крылья, да. Если это Пегас, пусть на нем сатиры ездят! Циклопы! Сторукие гиганты!

Кто угодно, только не я!

Луна купала жуткого трехголового гостя в потоках света. Кто другой поверил бы, что чудовище целиком отлили из черненого серебра. Нет, ерунда! Какое еще серебро? Оно живое. Точно вам говорю, живое! Большое! Огромное! Страшное!

Голодное.

Если мне сейчас и хотелось где-то быть, так не здесь, а на острове из моего сна. Остров далеко? Очень далеко? Отлично! Чем дальше, тем лучше. Там великан в доспехе, ему даже Медуза нипочем. У великана меч или лук, или что там мне приснилось. Как хватит врага со всего размаха...

– Прячься, быстро!

Кто-то вырос у меня за спиной. Схватил за плечи: пальцы будто клещи. Толкнул прочь:

– Беги в скалы!

Я узнал голос отца. Бежать? Прятаться? Ну уж нет! Надо сражаться! Биться насмерть! Я, может, и не великан...

Следующий толчок отшвырнул меня на три шага:

– Спасайся, глупец!

Главк Эфирский нырнул обратно в темный проем двери. За сыновьями, догадался я. За моими братьями. Папа прав, я еще маленький. И оружия у меня нет. Детям надо прятаться, пока взрослые будут убивать чудовище.

Зато мы все увидим!

5

Спасайте детей!

Скалы начинались сразу за дорогой, шагах в ста или меньше. Щербатые сколы тускло отблескивали, в провалах копилась смола теней. Там чудовище меня не заметит!

Я ринулся к скалам. Позади все озарилось пламенем: зловещим, багровым. Вспомнился Делиад, его рассказ о пламени, в которое был одет гибельный Арей. «Я потом месяц в постель мочился, – слышал я голос брата, как наяву. – Просыпаюсь – постель мокрая. стыдоба! Думал, это навсегда...» Если подо мной сейчас и не растеклась позорная лужа, так только потому что я бежал.

Поди помочись на бегу!

Отсветы плясали на утесах, выжигали спасительные тени дотла. Камень дрожал, ежился от ужаса. Сверху рухнуло шипение, рев, треск. Я обернулся, не сбавляя хода – посмотреть, что происходит – споткнулся и упал, больно рассадив коленку.

Чудовище висело над дорогой, самую малость не долетев до храма. Оно закрывало собой полнеба! Крылья вздымались и опускались с оглушительным гулом, удерживая громадину в воздухе. Поднялся настоящий ураган – он едва не сдул меня с дороги. Глаза запорошило пылью и мелким сором. Но я все равно видел багровое пламя: оно жадно пожирало кусты на краю склона и одинокую старую оливу возле храма Гермия.

Снизу, со стороны Лехейской гавани, вставало красное зарево. Его отблески играли на боках и мордах чудовища. Теперь зверь выглядел не серебряным, а окровавленным. Пожар?! Горит порт? Корабли?!

Откуда взялся огонь?!

Словно подслушав мои мысли, чудовище не замедлило ответить на немой вопрос. Львиная голова взревела так, что я на миг оглох, и извергла из пасти тугую струю пламени. Не боясь гнева богов, пламя ударило в белоколонный храм Гермия. Разбилось о святилище, как разбивается морская волна о мощь берегового утеса, взлетело ввысь прибоем, налетевшим на скалы. И упало обратно, охватив весь храм целиком, сжав его в пылающем кулаке.

Каменные стены и колонны выдержали. Но огонь проник внутрь, сжигая все, что было в храме. Я видел, как вспыхнула деревянная статуя бога. Носитель Ягнят такого не потерпит! Сейчас оживет, выйдет – и как даст этой твари!

Из храма выбежал горящий бог. Нет, не бог – человек. Следом второй, третий: черные в красном. Люди пытались укрыться в храме. Надеялись: Благодетельный их защитит, оградит своим жезлом.

Надежда горела. Падала. Корчилась на земле.

Я хотел закрыть глаза, не видеть, ослепнуть. Хотел и не мог. Заткнуть уши, чтобы не слышать истошных воплей, я тоже не мог. Хотел бежать без оглядки на край света; умереть, спрятаться в тихом царстве мертвых, где ничего страшного не происходит, потому что все самое страшное уже произошло...

Ничего я не мог.

– Бегом! За мной!

– Берегитесь, господин!

– Спасайте детей!

Я моргнул. Обернулся. От приюта ко мне – к скалам? – бежали отец и братья. Их сопровождали возницы и воины охраны. Движение привлекло внимание чудовища, трехголовый кошмар отвлекся от храма, развернулся в воздухе с легкостью, удивительной для такого невероятного создания.

Братья. Отец.

Если храм сжали в пылающем кулаке, то мое цыплячье сердце сжал кулак ледяной. Было так холодно, что я даже дрожать перестал. Раньше дрожал, но не замечал этого. А сейчас перестал и сразу заметил. Мгновения превратились в годы. Чудовище летело медленней ползущей улитки. Папа с братьями еле переставляли ноги. Как во сне, когда радуга стремительно мчалась к острову от горизонта, а казалось, что она никуда не спешит.

Пальцы нащупали камень. Хороший, увесистый. Это вам не прибрежная галька.

– Получи, гадина!

Добросил. Попал. Попробуй, промахнись в эдакую громадину!

Я попал, а ей хоть бы хны!

Еще камень. Еще. Отыскивать их было нетрудно: полыхающий храм превратил ночь в день. Бросок. Бросок. Плечо болит. Ерунда. Камень. Камень...

Мне бы копье!

Меня ухватили поперек живота, оторвали от земли. Чудовище! Хвостом обвило! Змеей! Я заорал. По ногам потек горячий стыд. Я задергался, забился. Взмахнул камнем, чтобы ударить по змеиной башке, размозжить гадину. В лицо мне ткнулись жесткие курчавые волосы. Борода?! Меня прижали к груди: мускулистой, человеческой.

Прижала рука, не хвост!

– Папа!

Отец тащил меня в укрытие. Справа бежал Алкимен, слева – Делиад. Пирен отстал, пытался, нагоняя. Спасительное ущелье было уже совсем рядом, когда лев взревел за нашими спинами. Поверх отцовского плеча я мог видеть, как распахивается хищная пасть. В глотке ее клокотало пламя, готовясь вырваться наружу.

– Шевелите ногами! Торопитесь!

Пирен ускорил бег, споткнулся, упал. Воин, бежавший рядом с ним, нагнулся, собираясь подхватить моего брата на руки – и львиная глотка изрыгнула огонь. Целое море огня! Ярься, пенясь, бешеный вал затопил дорогу позади нас. В лицо пахнуло нестерпимым жаром. Почудилось, что в черном небе над чудовищем выгнулся тугой лук радуги, готовый пустить стрелу в зенит, но это, наверное, от слез, хлынувших у меня из глаз. Откуда ночью радуга?

Я закричал.

Последние шаги отец буквально пролетел. Он так прижимал меня к груди, что чуть не сломал мне ребра. Мы нырнули в спасительную темноту, втиснулись в расщелину. Большая жесткая ладонь с мозолями от вожжей зажала мне рот, чтобы я не кричал. Ладонь пахла потом и дымом. Я беззвучно заплакал. Потрескавшиеся губы обожгло солью.

От моих слез? От отцовского пота?

– Что это? – в ужасе шептал Делиад. – Что это такое?

Алкимен молчал. Братья тоже успели забраться в расщелину, прижались к нам с отцом.

– Химера, – прошептал отец. – Химера, дочь Тифона. Молчите, услышит!

Мы замолчали.

Прятались мы долго. Не знаю, сколько.

Временами я проваливался в забытие. Выныривал, падал обратно и не мог понять, где я. Кошмар повсюду оставался со мной. Когда я очнулся в очередной раз, тьма заметно поредела. Край расщелины окрасился розовым. Я вздрогнул: пламя?

Подбирается к нам?!

Занималась утренняя заря. Снаружи царила тишина. Даже чайки не кричали. Отец отпустил меня, выбрался первым, махнул нам:

– Выходите. Она улетела.

Затекшее тело не слушалось. Колени подгибались, правую икру словно иголками набили. В воздухе стоял запах горелого мяса. На дороге лежало что-то черное, обугленное. Я не сразу понял, что это тела.

Трупы.

Отец подошел к ближнему, перевернул. Под большим телом скорчилось малое. Тоже обгорело, хоть и меньше.

– Пирен? Пире-е-ен!!!

Он не ожил. Не отозвался.

Я смотрел на воина, который пытался спасти моего брата, накрыв его собой. Смотрел на мертвого Пирена. Мне казалось, что я большой, что голова моя достигает небес. Тех небес, где царил трехтелая тварь.

– Убью, – пообещал я. – Я тебя убью.

Химера. Дочь Тифона.

Имя ничего не значило. Ненависть родилась первой, безымянной.

Стасим Молнии, яд и снова молнии

– Молнии, – глухо произнес Зевс.

Голос его – гром за горами. Глаза его – грозовые зарницы. Кудри его – тучи, идущие от края земли. Схваченные на лбу золотым обручем, волосы упали на плечи, завились тугими кольцами.

Вокруг Громовержца стусилась боевая эгида. Сыпанула искрами, зашлась пугающим треском, угасла.

– Все дело в молниях, – владыка богов и людей вернул себе самообладание. – Гроз слишком мало. Я напоминаю себе скрягу, который узнал, что в его сундуках бегают мыши.

– Ты и есть гроза, – возразила Афина. – Как по мне, отец, тебя вполне достаточно.

Они сидели в главном зале дворца. Зевс – на троне, откинувшись на спинку. Афина – у ног отца, положив голову ему на колени. Так они сидели, только оставшись наедине. Легкий шлем, который Афина носила не снимая, лежал возле хозяйки на полу, будто верный пес.

Копье стояло у стены.

– Ошибаешься, дитя мое. Твоя мудрость становится похожа на лесть. В лести я не нуждаюсь; во всяком случае, от такой, как ты. От Афины Промехос³⁴, первой воительницы Олимпа, я жду правды. Горше полыни; острее ножа. И вот тебе правда: если придет второй Тифон, меня не хватит.

Зевс нахмурился. Уточнил:

– Может не хватить.

Он устал, поняла Афина. Он смертельно устал.

Полдела – подавить мятеж. И даже не половина, а десятая часть дела, если мятеж подавил не ты, а Бриарей-Сторукий: сила сильная, вставшая у трона. Сила уйдет, ты останешься. Придет ли сила снова? Только глупец возьмется строить планы на таком расчете. Клятва Геры не посягать больше на власть мужа? Чепуха, пустое сотрясение воздуха. Суровая кара? Золотые цепи? Наковальни, привязанные к ногам?!

Предавшие раз предадут снова, сколько ни наказывай.

---

³⁴ Промехос – первый боец, воин авангарда, передового отряда. Прозвище Афины.

Изменников следует утратить. Так, чтобы при одном имени владыки у них тряслись их божественные, их несокрушимые колени. Братья, сестры, жена, дети, племянники – Семья должна помнить, на что способен Зевс Астрапей³⁵. Ночью проснутся, вспомнят, содрогнутся. Будут маяться бессонницей до утра. Мало молний, много – сколько ни есть, все пойдут в ход.

Олимп ждал, что Зевс, едва оправившись от тяжких ран, выступит против мятежного Олимпа. Олимп ошибся – Зевс выступил против Тифона.

Казалось, первой битвы не было вовсе. Битва, плен, чудесное спасение – не было ничего, чего владыке стоило бы стыдиться. Забудьте, глупцы, прикусите языки! В силе и славе, трижды величественней, чем до поражения, Зевс гнал Тифона от Киликии до страны Людей-с-Обожженным-лицом³⁶, а затем – от подножия горы Нисы до земель чубатых фракийцев. Гемийский хребет стал оружием гиганта: в небо летели скалы и утесы, рассыпаясь в прах от ударов грозовых перунов. Ослабев, не выдержав яростной схватки, усомнившись в собственной мощи, Тифон кинулся вброд через море близ Тринакрии³⁷, но Зевс настиг врага у побережья.

Море предало змееного, превратившись в кипяток. В отчаянии Тифон рискнул просить убежища у земли, как сын у матери. Где еще спастись ребенку, как не в родном чреве? Но возможно ли родиться дважды? Едва Тифон ушел в земные недра, нырнув под остров – Зевс сам превратился в нового Тифона, отказавшись от молний в пользу горных вершин.

Гора Этна вознеслась ввысь, содрогаясь в мертвой хватке владыки богов и людей. Когда гора упала обратно, Тифон был придавлен ею.

– Может не хватить, – повторил Зевс сдавленным голосом. Похоже, он тоже вспомнил этот безумный, этот ослепительный бой. – Если во второй раз...

Афина молчала.

Было кое-что, о чем она не сказала отцу-триумфатору. Перед битвой, стоившей ему свободы, Тифон обратился к Мойрам-промыслительницам, чья пряжа – нити судьбы. «Могу ли я победить?» – спросил гигант. Да, согласились Мойры. Почему нет? «Может ли победить Зевс?» – спросил гигант. Да, кивнули Мойры. И это возможно. «Что же я должен сделать для победы?!» Возьми болиголов, сказали Мойры. Возьми тот, что взращен в местах сырых и тенистых. Очисти, истолки в ступе, просей через мелкое сито. Добавь мака. Смешай с густым настоем однодневки.

И выпей.

Что ты должен сделать для победы? Вот что.

Однодневка. Жалкая трава, недостойная того, чтобы вечные исполины знали о ней. Нет от нее смерти быстрой и легкой. От однодневки умирают тяжело и мучительно, отдаваясь страданиям целиком. В сочетании с маком и болиголовом такой настой не имеет противоядия.

«Да, – согласился Тифон. – Я сделаю это.»

Что я должен сделать для победы, спросил он. И забыл уточнить, чью именно победу имеет в виду. Мойры не лгут. Не солгали они и сейчас, назвав средство, способное обеспечить победу одному из бойцов. Никогда и никому не раскроет Афина секрета – чего стоило ей убедить суровых, неподкупных богинь судьбы пойти на такую правду-ложь. Мудрость и военная стратегия – это сочетание при случае можно назвать хитростью и подлостью.

А еще умением убеждать.

Какая разница, если цель достигнута? Тяжко и мучительно, помните? Под молниями Зевса снаружи; от яда внутри. Способен ли умереть бессмертный? Живи, Тифон, придавленный горой, живи и мучайся вечно.

---

³⁵ Астрапей – Молнийный. Прозвище Зевса.

³⁶ Эфиопия.

³⁷ Тринакрия («Трехконечная») – греч. название острова Сицилии, находящегося буквально на западном краю света, в непосредственной близости к Океану.

– Гефест обещал, – прервал отец воспоминания дочери. – Я ему верю. Он груб, завистлив, ревнив. Но он не лжец. Еще никогда Гефест не обещал того, чего не в силах сделать.

В дальнем углу зала, подпирая стену, стояли девять истуканов из красной меди: пять слуг и четыре служанки. Во время пиров они неслышно скользили по залу, во всем подобные живым существам, разнося еду и напитки. Рядом с каждым истуканом ждал своего часа треножник, украшенный дивной резьбой. Уставленные кубками и посудой, треножники ездили сами, безошибочно выбирая бога, возжелавшего хлебнуть нектара³⁸ или насытиться амброзией. Слуг и треножники выковал Гефест. Афина помнила и другие творения рук бога-кузнеца: трон, с которого не смогла встать сама Гера, сеть, в которой запутались неудачливые любовники Арей и Афродита, цепи, отнявшие свободу у владыки богов и людей. О да, хромой Гефест был не только искусен, но и могуч!

«Я ему верю, – прозвучали в памяти Афины недавние слова Зевса. – Еще никогда Гефест не обещал того, чего не в силах сделать...»

Он скажет это про меня, поклялась Афина. Придет час, и отец скажет: «Я ей верю. Еще никогда...» В последний момент, вспомнив, чем рискует, богиня удержалась на краю пропасти – не произнесла вслух, что клянется Стиксом. Клятва черной водой реки царства мертвых была нерушима. Бог, нарушивший ее, на год впадал в бесчувствие, подобное смерти, и на последующие девять лет изгонялся из сонма небожителей, а также из мира живой жизни: на острова Заката, в седую мглу Океана. Возвращению не препятствовали, но никто не слышал о клятвопреступниках, вернувшихся после отбытия срока наказания.

«Гефест обещал. Что он пообещал тебе, отец?»

Когда суть обещания сделалась богине ясна, Афина похолодела.

– Молнии?

– Да. Он станет ковать мне молнии из Тифонова огня. Наковальня тринакрийской кузницы стоит у пленника на груди, пламя из рта рвется в Гефестов горн. Это пламя сгодится для молний, я проверял.

Зевс хрипло рассмеялся. О да, он проверял.

– Гефест уже подготовил подвал для хранения перунов, – владыка богов и людей погладил дочь по голове, как маленькую. – Это опасное дело, я так и сказал ему. Гефест заверил меня, что за сохранностью и безопасностью он проследит лично. Ему самому не понравится, если Тринакрию разнесет на куски. Когда он наладит изготовление молний, я перестану нуждаться в грозах. Иначе...

Афина знала, о чем говорит – вернее, о чем умалчивает отец. Сам гроза, Зевс тратил силы и на битву, и на создание молний. Если же молнии будет поставлять ему Гефест, определив убийственное Тифоново пламя на службу Олимпу; если хромой мастер избавит отца от необходимости растрачивать себя на эту утомительную заботу... О, тогда мощь Громовержца возрастет стократ. Явись второй Тифон, восстань от земли до неба – вряд ли для победы над ним понадобятся и хитрость, и подлость, и двусмысленности Мойр.

...и Афина. Зачем Афина, если есть Гефест?

– Ты переселяешься на Тринакрию? – спросила она. – Сын возвел тебе новый дворец?

В вопросе звенела издевка. Ревность, полыхнув в сердце богини жарче огня Гефестовой кузницы, без труда справилась с мудростью, утверждавшей, что с отцом нельзя говорить таким тоном. Опасность, утверждала мудрость, лежа на обеих лопатках. Заткнись, гремела ревность. Не до тебя! Но мудрость уже искала способы вернуть себе утраченную власть.

К счастью, Зевс не заметил подковырки. Отец вообще был глух к таким зыбким, таким малозначащим вещам, как намеки. Благодушные и ярость – вот обычные состояния владыки богов и людей, предпочитавшего крайности. Они сменяли друг друга мгновенно, без видимой

---

³⁸ Нектар и амброзия – напиток и пища богов, дарующие бессмертие и вечную юность.

причины. Да, еще любовная страсть. Краткая, стремительная, бурная, как летний ливень, а после нее – благодушие или ярость, в зависимости от согласия или отказа очередной возлюбленной.

– Я? На Тринакрию? С чего ты решила?!

– Молнии, – напомнила Афина. – Подвал для хранения.

Зевс расхохотался:

– Воин не поселяется в оружейной. Царь не живет в сокровищнице. Даже купец не сидит сиднем рядом со складом, где хранится товар. С чего бы мне покидать мой дворец на Олимпе? Погружаться в мрачные глубины далекого острова? Ворочаться ночами с боку на бок, слушая грохот кузнечного молота?!

– Воистину так, отец. Моя мудрость ничто перед твоей. Позволишь ли ты мне сделать предположение? Представить ситуацию, вероятность которой ничтожно мала, но все-таки она существует?

– Говори.

– Допустим, Тифон освободился.

– Что? Ты вообще понимаешь, что несешь?!

– Молю о прощении. Моему воображению тесно в границах возможного. Тем не менее, я представляю: вот Тифон освободился. Он на Тринакрии, ты – на Олимпе. Чем помогут тебе молнии, лежащие в Гефестовом подвале мертвым грузом?

– Я пошлю за ними! Я...

Зевс осекся.

– Допустим, – Афина встала, прошлась по залу. Она старалась не поворачиваться к отцу спиной, но так, чтобы Зевс не заметил ее стараний, – Тифон уйдет с Тринакрии. Подвал останется без его пристального надзора. В противном случае заполучить молнии не удастся. Допустим даже, что Тифон продолжит гнить в плену. Восстанет кто-то другой, в иных землях. Кто-то другой, равный Тифону. Ты же, отец...

Палец богини тронул щеку золотого истукана. Слуга, вышедший из-под молота Гефеста, остался неподвижен. Вне пиров он был драгоценной бессмыслицей, красивой безделушкой, как и молнии вне битвы.

– Я ясно вижу эту картину. Ты, как уже было сказано, здесь, на Олимпе. Ты здесь, а может, ты яришься в небе над иными землями, сражаясь с бунтовщиком. Колчаны туч опустошены, грозы сникли, опали пеплом. Ты посылаешь кого-то за молниями на Тринакрию. Пока их доставят, ты сражаешься обычным способом, жжешь себя с двух концов. Сил много, но они не бесконечны. Ты надеешься, что молнии придут вовремя, раньше, чем ты иссякнешь...

Афина ждала грома. Нет, Зевс молчал.

– Кстати, – богиня приблизилась к своему копыю. Протянула руку к оружию; нет, передумала, отдернула. – Кого ты пошлешь за молниями, владыка?

Зевс молчал. Гладил бороду.

– Гермий? – рассуждала Афина вслух, вся мудрость и военная стратегия. – Да, малыш быстр. Но по силам ли ему пучок молний? Мы оба знаем, что нет. Аполлон? Вряд ли ты доверишься Сребролукому. Ирида, твоя покорная вестница? Она десятикратно слабее Гермия. Эфон, твой орел-любимец? Он могуч, не спорю. Но орел сгорит раньше, чем вернется на Олимп. О, кажется, я нашла гонца!

– Кто он? – прохрипел Зевс.

– Гефест! Тот, кто кует молнии, неуязвим для их пламени. Силы Гефесту не занимать, он унесет и пучок, и два пучка, и три. Одна беда – этот гонец хром на обе ноги. Ты помнишь, как он ковылял здесь, между столами, разнося нам кубки с нектаром? Мы хохотали до слез. Дорога с Тринакрии на Олимп займет у него немало времени. Ты обождешь, отец? Битва обождет?!

– Будь ты проклята, змея!

Зевс сорвал обруч с головы, запустил им в стену. Золото столкнулось с камнем и разлетелось вдребезги, брызнуло осколками. Казалось, обруч изготовили из хрупкой кости или глины, высохшей на солнце. Но и в стене осталась вмятина, как после удара дубиной. От центра вмятины во все стороны бежала паутина тонких трещин.

– Ты смеешься надо мной?!

Все, вздрогнула Афина. Хватит. Цель достигнута.

– Разве я посмела бы? Итак, кто будет доставлять Зевсу его новые молнии? Кто этот сильный, этот быстрый, этот верный гонец?!

– Ты найдешь мне его, – ответил Зевс.

Он не просил. Он приказывал.

Голос его – гром за горами. Глаза его – грозовые зарницы. Кудри его – тучи, идущие от края земли. Вокруг Громовержца сгустилась боевая эгида. Сыпанула искрами, зашлась пугающим треском, угасла.

Часть вторая

Боги, кони и я

В детстве взрослеют медленно.

Это стареют быстро: раз, и ты уже старик. Борода седая, суставы болят к дождю. Умирают быстро, если повезет. А детство тянется и тянется. Ты торопишь его, подгоняешь кнутом эту ленивую клячу. Давай, скакун! Неси со всех ног! Тебе позарез надо вырасти. Зачем? У каждого свой ответ. Стану героем. Богачом. Правителем. Совершу подвиг. Получу наследство. Пощупаю соседскую девку. Уйду из дома на край света.

Стану сыном бога?

Нет, такого не бывает. Стану? Как?!

Поверьте, такое бывает. Сначала ты рождаешься, живешь, пачкаешь пеленки, сбиваешь коленки, радуешь маму и огорчаешь папу. А потом, со временем, делаешься сыном бога. Ты делаешься, тебя делают, это уже как получится. Часто, кстати, бог здесь и вовсе ни при чем.

Об этом мечтают. Не родители, нет – дети. Особенно те дети, кого обижают чаще других. Но я знаю мало людей, кому эта крылатая, эта небесная мечта, сбывшись, принесла счастье. Во всяком случае, я не из них.

Скажу больше: я не знаю ни одного такого.

Эпизодий четвертый

Вода сладкая и горькая

1

Украдено у Главка, сына Сизифа

– Три года! Три распроклятых года!

– Отец...

– Муж мой...

– Три года! А потом еще два! И ни одной поминальной жертвы!

– Господин наш...

– Ни единой! Ни жертв, ни достойного погребения! О боги!

Боги молчали. Родичи тоже.

– За что караете?! Ты, жена моя, мать моих безмозглых детей! Ты, сын мой, плоть от плоти моей! О, как стыдно мне перед Владыкой Аидом! Перед его добрейшей супругой Персефой! Может, я не Сизиф, сын Эола? Может, я бездомный бродяга без роду и племени? Я что, умер в придорожной канаве?

– Мы все исправим, отец! Владыка Аид и могущественная Персефона будут довольны.

– Ага, как же! Вам, бездельникам, ничего доверить нельзя! Сам, все сам! День назначу, жертву выберу...

– Как скажешь, отец.

– Как скажешь, муж мой.

– Но сейчас тебя, господин наш, ждет дурное известие. Без тебя нам не решить, что делать...

Вот, значит, папа. Вот, значит, бабушка Метропа. Вот дедушка Сизиф. Ну и я, куда ж без меня? А больше никого, как водой смыло. Раньше, когда дедушка семью бранил, народу соби-

ралось – уйма! Затем пол-уймы. Третью уймы. Десятая часть. Сотая. Сейчас даже мои братья не идут на шум. Надоело им.

Два года подряд одно и то же слушать – любому надоест. «Ни одной поминальной жертвы! Может, я бродяга...» Я бы тоже не слушал, правда. Мимо шел, задержался. Я-то вырос, все теперь понимаю. Но помалкиваю: язык за зубами, дедушка дома.

И вам не скажу, о чем я помалкиваю. Вдруг вы Аиду донесете? Помрете завтра от поноса, встретит вас в царстве теней Владыка Аид, вы ему и выложите как на блюде: так, мол, и так, Сизиф Эолид в своей родной Эфире ругмя ругается...

Нет уж! Помирайте на здоровье, а про дедушку – ни слова!

– Дурное известие? – дедушка запахнулся в плащ. С залива дул ветер, у стариков ныли суставы. – Есть ли что-то дурнее вас, драгоценные мои?

– Коровы, отец.

– Воистину прав ты, Главк, сын Сизифа! Корова – кладезь мудрости в сравнении с тобой. И что произошло с нашими коровами, если это важнее моих поминальных жертв?

Папа вздохнул:

– Воруют их, отец.

– Кто?

– Воры.

– Да я уж понял, что не честные люди. Кто именно?

Мимо пробежала стайка рабынь с корзинами стираного белья. Папа обождал, пока они скроются на заднем дворе. Ответил:

– Кромионцы, отец. Жители Сикиона.

– О, я их знаю! Записные скотокрады.

– Мегаряне.

– Что, и эти? Далеко забрались. Ты требовал суда?

– Требовал.

Папа вздохнул горше прежнего.

Бабушка ушла, не стала в мужские дела лезть. А мама даже и не выходила, сидела на женской половине, ткала.

– А судьи кто?

– Клеон, сын Фола. Антиох, сын Эврипида. Талай из Аргоса.

– Те еще пройдохи. В смысле, уважаемые люди. Проиграл, да?

– Проиграл, отец.

– Коров не опознал?

– Как их опознаешь? Воры коров перекрасили, клейма свели. Поди докажи!

– Перекрасили, значит?

Дедушка прошелся по двору. Остановился возле меня, ущипнул за щеку. В дедовом взгляде сверкнули хитрые искорки.

– Сын мой, – обращался дедушка к папе, а смотрел на меня. – Слышал ли ты про такую занятную вещь, как гиппосандалии?

– Слышал, отец.

Папа, кажется, обиделся. Такой лошадник, как Главк Эфирский, знал о конях все. Глянет на лошадь, сразу скажет, сколько волос в хвосте. Да что там папа? Даже я сто раз видел, как жеребцам и кобылам, желая сохранить копыта в целости, надевают конскую обувь. Кто победнее, тот плел чулки из лыка или тачал из бычьей кожи. Кто побогаче, гнул медную пластину, а случалось, что и бронзовую. По краям ушки да кольца: продел веревку или ремень – и давай, вяжи к ноге...

Дедушка хихикнул. Папина обида его забавляла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.